Как дневник
Рассказы учительницы

Марина Аромштам

АЗБУКА ПОНИМАНИЯ

КомпасГид
издательский дом

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Имя Марины Аромштам на обложке — залог правильного воспитания взрослых. Каждая ее книга — это ниточка, соединяющая мир ребенка и мир взрослого. Как говорить, как учить, как объяснить, как исправить и еще целый миллион «как»…

Здесь нет готовых рецептов, здесь есть просто жизнь одного человека, для которого педагогика — это не пустой звук и не сухие учебники.

Ее дети — самые обычные, они живут в соседних квартирах, соседних домах. Кто-то из неполной семьи, у кого-то, наоборот, все хорошо (но даже за это бывает стыдно), кто-то хвастается без меры, кто-то перебивает и лезет вперед, кто-то ворует кошелек у учителя и божится, что этого не делал, а кто-то пытается его уличить. В общем, самые обычные дети, которые вытащили счастливый билет, и им достался чуткий и понимающий наставник.

Им довелось встретиться в детском саду, пережить все детские передряги вместе, они, конечно же, не смогли расстаться и в первый класс проследовали, дружно взявшись за руки. Они нашли клад с ключами от школы, открыли невидимые двери на пути первоклассников. Начальные классы пролетели как один миг, яркий отблеск которого навсегда сохранится в сердце. За плечами осталось многое: и невероятные приключения в Танаисе, и самые важные разговоры в кругу на ковре, и чьи-то поражения, по-братски разделенные на всех. А что впереди? Средние и старшие классы: натягиваем веревочку и выпрыгиваем в жизнь!

-
-
- ЗОЯ
- МОДИЛЬЯНИ ПРОТИВ МЕТОДИКИ
- ДЕЛЕНИЕ С ОСТАТКОМ
- ШЕРСТЬ И КОГТИ
- МАРИАННА
- ДИАЛОГИ, ИЛИ ЧТО-ТО ВРОДЕ
- ПЯТОЕ
- НА ЗЛАТОМ КРЫЛЬЦЕ СИДЕЛИ…
- КАК МЫ ПЕРЕХОДИЛИ В ПЕРВЫЙ КЛАСС
- ДВА ПИСЬМА
- ДЕЛО ДЕДА МОРОЗА,
- ЖИВОЕ И НЕЖИВОЕ

- ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ МОЛИТВА
- «ПАПСКАЯ ПЕДАГОГИКА»
- ПЕР
- ШКОЛЬНЫЙ ДЕТЕКТИВ,
- ТАНАИС С ЧЕСНОКОМ,
- ВЕРЕВОЧКА
- С ВЫСОТЫ СВОЕГО РОСТА
- ПОСЛЕСЛОВИЕ

Посвящается учителям 90-х

Я перебираю гречку.

Кто-то известный написал: меня воспитывала полоска света под дверью отцовского кабинета. Мол, не могу сказать, что отец со мной как-то играл или читал мне книжки, но он очень много работал. Сидел, запершись, в своем кабинете и работал. И об этом его неустанном труде ради светлого будущего я знал по полоске света.

А я перебираю гречку.

Вообще-то мне нужно срочно, к завтрашнему утру написать статью, а я тут гречку перебираю — чтобы кашу сварить. Выковыриваю из гречневой кучки некрасивые черненькие крупинки и думаю с тихой завистью: «За кого-то полоска света воспитанием занималась. А они в это время писали. Может, за них и кашу кто-то варил? И гречку перебирал?»

Можно усмотреть в моих праздных вопросах феминистский выпад. Некий намек на бунт. Но, по-моему, это не феминизм, а понятное и простое требование справедливости.

Я как-то вернулась из командировки и рассказала знакомому психологу про один детский дом. Там все устроено по модели семьи, и между педагогом-мужчиной и педагогом-женщиной жестко распределены ролевые функции. У одного — мужские обязанности, или «отцовские», у другого — женские, «материнские». Знакомому психологу история про детский дом очень понравилась. Но он не преминул заметить: давненько ему не встречались женщины, которые успешно справляются с женскими ролевыми функциями. То есть не прямо так сказал, а намекнул: мол, никто из его знакомых женщин-психологов (а также писателей и журналистов) не вышивает крестиком и не вяжет крючком салфетки. А вот он, хотя и психолог, с неисправной сантехникой вполне справляется. И значит, у него с ролевыми функциями все нормально.

Я тоже крестиком не вышиваю, не говоря о крючках. Ну, а гречку эту куда записать прикажете?

И ведь гречка эта все равно подгорит на втором абзаце. Когда запах напомнит про ролевые функции, у тебя из души так и вырвется: «Ё-мое! Я пищущий человек или тварь дрожащая?»

Зато потом, когда и каша, и статья каким-то немыслимым образом одновременно «сварятся», ты подумаешь почти триумфально: «Ха! Функции! Да пусть они так попробуют: статью — вместе с гречкой!»

Или в школе работать — учителем-женщиной, без всяких полосок света, которые вместо тебя сделают что-то полезное.

ЗОЯ

Давным-давно, когда я была еще маленькой, мой папа работал учителем в интернате. Дети там не только учились, но и ели и спали. Их кормили почти бесплатно. А перед сном давали кефир. Всем интернатским детям полагалась красивая форма — на каждый день и парадная. Ну, и вообще — интернат был самым лучшим местом, какое только можно придумать для какого-нибудь ребенка. Так полагал мой папа. Он любил интернат. И когда мне исполнилось семь, я пошла учиться в интернатскую школу. Мне выдали форму — на каждый день и парадную — и стали бесплатно кормить.

Поэтому я, как папа, любила свой интернат. И еще я любила учительницу — Валентину Ивановну, молодую и очень красивую.

Я думаю, Валентина Ивановна тоже меня любила. Я же была отличницей! А в нашем классе было только двое отличников — я и еще Саша Мельник. И нас никогда не наказывали указкой.

А других наказывали. Если кто-то плохо писал, грязно или с ошибками, учительница говорила: «А ну, давай сюда руки!» — и хлопала по рукам указкой. Вадика Нестеренко очень часто наказывали — Вадик был почти круглым двоечником. И если ему все прощать, он бы стал второгодником. Так говорила Валентина Ивановна.

Во втором классе мы писали диктант. Очень важный, за третью четверть. На следующий день после диктанта Валентина Ивановна вошла в класс, ни на кого не глядя, и велела дежурным раздать тетради. А потом гневно сказала:

— Кто получил двойки — встаньте!

Поднялись все, кроме меня и Саши.

— Та-а-ак, — сказала Валентина Ивановна, разглядывая стоявших. — А ну-ка идите к доске!

Двоечники понуро выстроились у доски.

— А что у вас? — спросила она, поглядывая то на меня, то на Мельника.

Мы ответили хором:

— Тройка.

— Вы считаете, что тройка — хорошая оценка?

Нет, мы так не считали.

— Вот и идите к доске!

Мы встали к доске и ощутили причастность к общему горю. Валентина Ивановна выдержала паузу и окинула всех уничтожающим взглядом:

— И что с вами делать?

Все в классе знали, что надо делать с такими, как мы. От этого было тоскливо, даже воздуха не хватало. Весь воздух скрутился в тугую петлю — как на виселице для преступников. Нужно было что-то сказать, что-то сделать. Но все молчали.

И вдруг эту невыносимую тишину пронзил звонкий голос Саши:

— Побить нас указкой!

— Да? — ехидно спросила Валентина Ивановна и сделала паузу. — Вас много, а я одна!

Вздрогнувший было класс снова замер.

И тогда голос Саши прозвенел с новой силой:

— А мы сами себя побьем!

Это было *решение.* Саша стоял впереди, и его стриженый ежик имел героический вид. Я почувствовала, как внутри меня разливается чувство восторга.

— Да? — опять спросила Валентина Ивановна. — Ну, пожалуйста! — в ее голосе появились игривые интонации. — Кто первый?

Первым был Саша Мельник. Он шагнул вперед, положил на учительский стол левую руку, в правую взял указку и стукнул себя по руке. Три раза. С каждым ударом он щурился.

— Достаточно, — сказала Валентина Ивановна. — Для этой руки.

Саша переложил указку в другую руку и ударил себя по правой руке.

— Достаточно, — снова сказала Валентина Ивановна. — Кто следующий?

Я решила быть следующей.

У нас в пионерском лагере на главной аллее был памятник Зое Космодемьянской. Зоя была партизанкой, ее долго пытали фашисты, а она все равно ничего не сказала врагам. На постаменте она стояла с гордо поднятой головой, плечи развернуты, руки, сжатые в кулаки, отведены назад. Время от времени, когда никто не видел, я пробовала так стоять — на всякий случай, если меня когда-нибудь станут пытать фашисты. Стукнуть себя указкой — это почти то же самое. Будто меня пытают.

Я шагнула к столу, взяла указку и почувствовала, что очень похожа на Зою Космодемьянскую. И ведь что было важно? Ударить себя по-честному. Чтобы мне стало больно.

— Достаточно, — сказала Валентина Ивановна.

Я возвращалась на место, переполненная восторгом. Ноги мои почти не касались земли: я совершила подвиг! Мы все совершили подвиг.

За спиной раздавалось:

— Достаточно. Достаточно.

О том, как я была Зоей Космодемьянской, тогда никто не узнал. Я вспомнила эту историю спустя много лет, когда выросла. А мой папа к тому времени уже работал в гимназии. Теперь он любил гимназию — как когда-то любил интернат. Может быть, даже больше. Когда я рассказала ему про свой подвиг, у него испортилось настроение: «Знаешь, — сказал он, — Валя — она, кажется, умерла. А была на хорошем счету», — и покачал головой.

А еще я рассказала об этом одному приятелю. Он долго молчал, а потом сказал: «Вот что я думаю. После этого… подвига тебя можно выпустить к детям. Ты могла бы стать неплохой учительницей».

Ну, я и стала учительницей. Через какое-то время.

МОДИЛЬЯНИ ПРОТИВ МЕТОДИКИ

Илюша хотел отношений. Начинал он издалека — от Модильяни. Но это его не спасало: у него на шее росли волосы и он не умел кататься на лыжах.

В моих глазах занятия по физкультуре сводили на нет весь его культурный багаж: я бегу уже третий круг, а он на глазах у всего народа ползет первую стометровку.

— Да толкайся же ты, черт возьми!

Я даже чувствовала, что начинаю его жалеть. А жалость унижает…

К тому же между мной и Илюшей стояла методика. С этой самой методикой у Илюши была катастрофа.

— Существуют два способа активизировать мыследеятельность учащихся при решении задач в первом классе, — твердо, громко, авторитетно внушала нам математичка. — Либо вы начинаете с разбора условия: «О чем говорится в задаче?», либо с вопроса: «Можно ли сразу ответить на этот вопрос?» Экбер! Приведите примеры.

Илюша вставал и начинал заикаться:

— Но, я думаю… Вдруг кто-нибудь сразу решит… Бывает, что дети вдруг сразу знают ответ. И тогда как-то глупо… Может, не стоит так ограничивать варианты взаимодействия…

Математичка смотрела холодно и отстраненно. Она заранее знала: этот Экбер не в состоянии активизировать «мыследеятельность» первоклассников. И он еще собирается стать учителем! Но сразу математичка никогда не отступала. В конце концов это прямой преподавательский долг — активизировать мыследеятельность Экбера:

— Я прошу вас говорить языком науки методики.

В этот момент Илюша вдруг посмотрел на меня. Я не знаю, что он увидел: наверное, мне было весело.

Не настолько, как остальным. Но все-таки весело. Хоть какое-то разнообразие после нуднейшей лекции про сине-зеленые водоросли.

Илюша вдруг побледнел, как висельник перед казнью, и сказал:

— Понимаете, я не считаю, что методика — это наука.

В аудитории замерли.

— Видите ли, — попытался он смягчить впечатление, — я полагаю, методика все-таки ближе к искусству: разные дети — разные объяснения. А такая вот жесткость, такое единообразие… Вряд ли тут можно все наперед рассчитать. Это плохо совместимо

с искусством… Вряд ли мы сможем понять суть картин Модильяни с помощью циркуля и линейки.

Взгляд математички никогда теплотой не лучился, теперь же ее глаза сделались ледяными, губы плотно сжались. Превратились в прямую линию. В несгибаемую линейку с меленькими насечками. Этой линейкой математичка, без всяких сомнений, собиралась измерить жизнеспособность Экбера.

Потому что до сессии оставалось чуть меньше месяца. До нашей последней сессии перед госэкзаменами.

Иными словами, я оценила.

Прямо признаюсь: Илюша меня поразил. И моя мыследеятельность явно активизировалась.

Но отношений так и не получилось.

ДЕЛЕНИЕ С ОСТАТКОМ

— Все, с меня хватит! Иди на последнюю парту. (Это мне, практикантке.) И никаких тебе больше уроков! До контрольной неделя. Устроила тут дом отдыха.

(Дальше — детям.)

Всем встать!

Сесть!

Смотреть на доску.

Пишу: 22 разделить на 3.

Ты! Вот ты! Отвечай! Быстро! Сколько? Считай, я говорю! Что молчишь? Я тебя спрашиваю или нет? Не знаешь? Стой. Распустила нюни!

Ишь, обрадовались! Добренькую прислали. «Пусть она будет подольше!» Я покажу вам «добренькую». Я вам покажу «подольше».

Теперь ты! Поднимайся. Ответ знаешь? Что застыл? Я тебя спрашиваю или нет? А ну смотри на доску! Будешь считать или нет? 22 разделить на 3. Что, тоже язык отсох?

Это нечестно, нечестно! Она не дает им подумать.

— А ну, давай, поднимайся! 22 разделить на 3. Быстро! Ответ! Не знаешь.

Теперь ты. Ответ! Молчишь? Стой со всеми.

Плачут уже семь человек. Господи милостивый! Сколько же будет 22 разделить на 3?

— Вот, полюбуйся, как ты их научила. (Это, кажется, снова мне.) Ни один не смог 22 разделить на 3. Добренькой нравится быть? Добренькие никогда ничему не учат. Они только все портят, добренькие. Ишь! Радовались они! А теперь стоят и ревут. Нечего было радоваться! Всем сесть! Открываем тетради. Начинаю заново объяснять. Пишем тему на новой странице: «Деление с остатком».

* * *

Итоговое обсуждение по практике. Я не жду ничего хорошего. Но моя наставница неожиданно заявляет:

— Я поставила «пять».

— ?

— Живость, занимательность и все такое. Методику знает. Но фантазия… Фантазии слишком много! **Слишком!** Сомневаюсь, чтобы *такая* осталась работать в школе. Не задержится, нет. Да и школе *такое* не нужно.

Но я все-таки задержалась. Лет примерно на 20. Так получилось.

ШЕРСТЬ И КОГТИ
Диалог с самой собой

— Ну что ты ревешь? Весь троллейбус смотрит!

— Я не реву, а тихонько плачу. Никто не замечает.

— Прекрати сейчас же! Повода нет.

— Прекрасно знаешь, что есть. Они сегодня орали на уроке. Не дети, а звери какие-то…

— Ну, и орали. Перед твоим уроком они три часа сидели, как мыши забитые. Устали быть тихими. И потом, ты сама отказалась быть нормальным учителем. Кто тебя за язык тянул: «Дайте мне лучше труды»?

— И рисование… Изобразительное… (всхлип) искусство…

— Вот именно: изобразительное. Зачем тебе только понадобились рисование и труды?

— Я не хотела по букварю… Букварь — это ужас ужасов. А эти предметы — они ж никому не нужны. Никому из начальства. Там можно без дедушки Ленина. И без линии партии. А детям так нравится рисовать.

— Ну и нечего тут реветь, раз сама себе все напридумывала — «Пусть приходят ко мне отдыхать от постоянного прессинга!» Вот они и пришли. Чем же ты недовольна?

— Но они весь урок шумели. Видимо, я не умею…

— Так замолчали в конце концов!

— Я же крикнула. Крикнула и по столу ладонью… Ты себе представляешь? Мне кажется или правда у меня клыки уже режутся? Может, я покрываюсь шерстью? Такая картинка ужасная — «Конец гуманизма». Неужели нельзя без насилия?.. Но они совершенно не понимают человеческого обращения.

— Ты слышала, как их классная разговаривает? «Гав! Гав! Встать! Сесть! Молчать!» Они этот язык запечатлели с первого класса. А ты хочешь, чтобы они еще и твой с налету усвоили. «Друзья! Давайте договоримся!..» Чувствуешь перепад стилистического давления? Это же дети — не полиглоты!

— Знаешь, я вот что подумала… Может, мне взять свой класс? Третий год перестройки все-таки, многое изменилось. Вроде бы можно дышать.

А я могла бы взять детей еще в детском саду, года, скажем, в четыре… Ну, или в пять. Я, честное слово, никогда не буду кричать. Никогда не буду стучать кулаком по столу. Мы будем рисовать — много-много, разного, всякого: деревья, зверей, машины. Автопортреты. Я им сказки рассказывать буду.

Кукольный театр показывать. А потом мы пойдем с ними в школу. Так все вместе и перейдем из садика в первый класс. И научимся говорить на одном языке, без всяких там перепадов стилистического давления.

И я буду их слушать, выслушивать. Буду вглядываться внимательно. Я вообще разовью в себе новое качество: проникающее внимание…

МАРИАННА

Старая Марианна приехала в Россию читать лекции о воспитании. Она рассказывала о Каспаре Хаузере, учила желающих делать кукол и одаривала встречных детей подарками, которые таинственным образом никогда не переводились в ее сумке.

Ей сказали, что я хочу стать учителем. То есть я уже учитель, но теперь хочу взять свой класс. И у меня вопросы. Много разных вопросов. Марианна на меня посмотрела и решила, что мне нужно поехать в Кэмпхилл.

Да, мне непременно нужно там побывать. Возможно, на мои вопросы найдутся ответы. Или ответы на те вопросы, которых у меня пока еще даже нет.

Марианна сделала все (возможное и невозможное), чтобы я оказалась в Кэмпхилле.

* * *

Я приехала поздно ночью, и в темноте, под звездами, кэмпхиллская деревня показалась мне самым красивым местом, которое я когда-либо видела. Зеленые холмики, деревья, какие-то вольные и бесстрашные, запахи — много-много душистых запахов (все вокруг было в клумбах), живописные ручейки с овечками на берегу и горбатыми мостиками. (В Кэмпхилле делают свой овечий сыр.) Клетки с кроликами и морскими свинками — такие аккуратные клеточки, как на картинках в книжках. Живые изгороди из роз. Дорожки, посыпанные мелким гравием. Этот гравий при свете дня оказался цветным… В общем, такое райское место. Невозможное райское место.

В этом раю живут обделенные дети. Тяжелые инвалиды. На их лицах болезнь расписалась без всякой пощады: отвислые щеки, слюнявые рты с выпяченными губами, маленькие глазки с никаким выражением…

Первое инстинктивное желание — отодвинуться, не касаться. Не знать и не видеть. Не иметь отношения. Как возможно такое безобразное искажение человеческого облика? Такая гнусная измена Природы человеческому началу…

Марианна сказала: «Ты неправильно смотришь. Это всего лишь тело. А еще есть душа. И душа, которой досталось такое тело, нисколько не виновата. Ей, как любой душе, нужен опыт жизни, полной любви и заботы. Ты вот ругаешь Бога, а может

быть, он создал этих детей ради нас? Чтобы мы про себя что-то поняли».

Они тут живут коммуной. Маленькими семьями из десяти человек. Каждая семья — в своем домике со своей Хозяйкой или Хозяином. Если дети маленькие, не старше пяти-семи лет, на каждого из детей приходится один взрослый. Там, где дети постарше, взрослых может быть меньше. На каждую семью еду готовят свои дежурные. А по праздникам трапезы общие.

Первые двое суток я ничего не ем за общим столом. Не могу проглотить ни крошки. Не чувствую вкуса пищи. Мне мешают глаза, которые «неправильно смотрят». Ребенок (мальчик), который сидит напротив, пускает слюни в тарелку, у него изо рта вываливаются куски. Чувство отвращения настигает раньше, чем включается голова: «Посмотри вокруг. Пусть тебе станет стыдно».

Все взрослые (кроме меня) совершенно спокойны и едят с аппетитом. Традиционный английский завтрак. Овсянка. Все как в лучших домах. В самых лучших домах. Гостиная блестит чистотой. Стол сервирован с изысканной простотой. Непременные вазочки с маленькими букетами. У каждого рядом с тарелкой именная салфетка в деревянном кольце — и у детей, и у взрослых. Они разговаривают и шутят: подумаешь, надо время от времени вытереть Дэвиду рот. Еще лучше — напомнить ему, чтоб он сам это делал. И проследить — между прочим, но с завидной настойчивостью — за тем, как он это сделает. Грета вообще не может самостоятельно поднести ложку ко рту. Но ее обучают, спокойно и между делом: вкладывают ложку в непослушные пальцы, помогают проделать путь от тарелки до рта. Зато Саша (наш, русский мальчик, сын одного известного человека) сегодня после завтрака вспомнил, что надо сказать «спасибо». И все аплодируют.

Я хлопаю вместе со всеми и облегченно вздыхаю. Значит, у них бывают победы. Вот такие: сказал «спасибо». Взял в левую руку вилку, в правую руку нож. Ловлю себя на открытии: трапеза — это важнейший шаг в очеловечивании. И этих почти не говорящих детей учат сидеть за общим столом, вытирать рот салфеткой и пользоваться ножом и вилкой. Они получают основы «чисто английского воспитания». В общем, я должна еще много раз себе повторить: «Ты неправильно смотришь!»

* * *

В Кэмпхилле есть часовня, по воскресеньям здесь служат. И воскресенье — еженедельный праздник. Все дети возбуждены —

совсем как обычные дети, которым предстоит идти в зоопарк или в театр. Для этих детей высшая радость связана со словом «church». «Church! Church!» — то и дело повторяют они.

— Саша, скажи по-немецки!

Саша что-то произносит скороговоркой.

— А теперь по-русски скажи.

Это, видимо, для меня. Но Саша мотает головой: «Не хочу».

— Стесняется, — объясняет Марианна и гладит Сашу по голове. — Ах, какой ты сегодня красивый! — поправляет ему носовой платочек, чтобы уголок выглядывал из нагрудного кармашка. Саша сияет. — Вот так, — и, обращаясь ко мне: — Саша у нас говорит на трех языках.

А мне-то казалось, что Саша практически не говорит. Но вот слово «church» он может произнести по-немецки. И, наверное, слово «мама». Для детей, проживающих в Кэмпхилле, «мама» — отдельная песня.

— Ты хочешь пойти с нами на службу?

Я хочу. Хочу понять, почему служба — это так важно. Часовня похожа на маленький, очень красивый театр: тут есть «сцена» и «зрительный зал». На сцене медленно и без резких движений передвигаются люди — поют, зажигают свечи, будто плавают в волшебных разноцветных потоках света: это эффект солнца, заливающего часовню через стекло витражей. А зрители сидят в зале и смотрят. А потом священник спускается в зал и идет по рядам.

Он подходит по очереди к каждому из детей. Ребенок знает, что надо подняться навстречу. Священник кладет ему руку на голову, смотрит в глаза и говорит всего три слова: «Господь с тобой». Ребенок отвечает завороженным, восторженным взглядом.

У меня по коже бегут мурашки.

Только Роберт не поднимается, не реагирует на священника. Он вообще ни на что не реагирует. У него тяжелая степень идиотизма. Марианна пыталась мне объяснить: Робертова душа почти не смогла состыковаться с телом. Только краешком зацепилась. Поэтому Роберта нужно «водить». Двое взрослых, сидящих рядом, поднимают Роберта с кресла, ставят на ноги. Роберт по-прежнему безучастен. Но священник кладет ему руку на голову и смотрит в пустые глаза: «Господь с тобой!» Он задерживается около Роберта чуточку дольше, чем около остальных. На одну-две секунды.

Солнце в это время собирается с силами, расталкивает тщедушные облака и всеми своими лучами устремляется внутрь часовни через витражные стекла.

Роберту помогают вернуться в кресло. Кажется, он устал.

И меня вдруг пронзает: «Вот Бог!» Такое острое, почти невыносимое чувство с «голосом»: да есть же Он, есть, вот здесь, в этой часовне. И хотя Роберт не может сам подняться Ему навстречу, Бог все-таки с ним. И Роберт, наверное, это чувствует. То есть наверняка чувствует. От этого и устал. У него ведь нет привычки что-либо чувствовать.

Потом все поют. Дети старательно подпевают взрослым — тянут слова и отрывки фраз и, что удивительно, верно ловят мелодию. У многих детей с синдромом Дауна есть музыкальный слух. И здесь об этом помнят. Здесь учат детей всему, чему только возможно их научить. Чему эти дети могут и должны научиться. Нашли зацепку — и тянут, настойчиво, но осторожно: вдруг получится нитка?

Может, Марианна за этим и привезла меня в Кэмпхилл? Чтобы я поняла: можно вытягивать нитки.

* * *

— Познакомься: это Ханна. Она из Болгарии.

Ханне 22 года. Она приветствует меня по-русски:

— Здравствуй!

— Ты говоришь по-русски?

Ханна улыбается во весь рот:

— Папа был русский. Он меня научил: «Пощему-пощему! Потому что на «у»!»

«Был русский»? Что это значит? Но об этом вот так, сразу, спрашивать неудобно. Поэтому лучше узнать, как Ханна сюда попала.

Она качает головой: «не могу ответить» — и снова смеется:

— «Пощему-пощему! Потому что на «у»!» Больше не знаю. Говори по-английски.

Ханна попала сюда как волонтер. Написала письмо, что хочет работать в Кэмпхилле. Решения ожидала год. Отбор тут довольно строгий: анкеты, собеседования, характеристики нужно представить. Она здесь уже два года.

Остался еще год.

— Трудно?

Ханна пожимает плечами.

— Ой, опаздываем! Пойдем, я тебя провожу.

По средам — библейские чтения. Вечером, после рабочего дня. Читают Писание и обсуждают. Это что-то вроде методики жизни.

— Ну, пока! Увидимся завтра.

— Как? Разве мы не вместе?

— Нет, я иду в другой дом.

Она идет в другой дом, а после чтений ее обратно проводит Фредди. Фредди тоже волонтер, он здесь руководит оркестром. После библейских чтений они с Ханной пойдут по темным дорожкам, посыпанным розовым гравием, и на прощанье, наверное, поцелуются. Я почти потрясена: здесь возможна любовь — среди этих детей и бессонных ночей? Откуда они берут силы?

* * *

Умственная отсталость — не единственное, что случилось с кэмпхиллскими детьми. Они страдают невротическими расстройствами: плаксивы, тревожны, легко возбуждаются. Их могут мучить страхи — тогда они плохо спят, не соглашаются ни на минуту оставаться одни. Их могут охватывать приступы необъяснимого гнева, когда они готовы все крушить и ломать.

Раньше я никогда не задумывалась, что фраза «одержим бесами» может быть не просто фигурой речи. В доме, где я живу, есть один маленький мальчик, на вид лет семи-восьми. Он настолько тяжелый, что его «водит» Хозяйка. Время от времени из него вырываются «голоса»: он начинает истошно кричать, борется с «ними», отчаянно колотя по собственной голове. Голову защищает кожаный шлем — и днем, и ночью.

С тяжелыми детьми взрослые ночуют по очереди. А если кто-то из взрослых заболевает, тогда смены нет. Болеть взрослым членам «семьи» нельзя: тогда здоровые работают на износ.

А вот дети болеют. И не только простудой. У многих из них есть хронические болезни, из-за которых они умирают, не дожив до шестнадцати. Марианна сказала, что довольно часто случается, когда ребенок умирает у тебя на руках. Например, от удушья во время приступа эпилепсии.

И она не раз это переживала.

Не знаю, зачем я сказала, что боюсь насильственной смерти. Но тут невозможно не думать о смерти. И надо же как-то защититься от встречи с реальной святостью, от чувства, что я так никогда не смогу. И от этого их чувства Бога…

Марианна «помнит Гитлера». Ей было 14 лет, когда оккупировали ее родную Австрию. Мать Марианны все продала и дочка смогла уехать в Лондон. А после войны, когда возник Кэмпхилл, Марианна переселилась сюда и стала Хозяйкой дома. Так она прожила 40 лет и теперь считается почетным членом общины.

У нее своя комнатка в одном из домов — с беленными стенами, полукруглыми окнами и сводчатыми нишами, похожая на монастырскую келью. По соседству живут двое старых супругов, тоже почетные члены общины. Скопить что-нибудь в Кэмпхилле невозможно. Кэмпхилл существует на частные пожертвования. И зарплаты здесь мизерные, их хватает только на проезд до Лондона и обратно. Ну, еще чтобы в Лондоне можно было перекусить. На такой выходной можно рассчитывать раз в две недели (если, конечно, в этот момент в доме никто из взрослых не болеет).

Марианна вдруг спохватилась, что я задала вопрос. То есть это был не вопрос, но она отвечает: «Насильственная смерть страшнее всего для насильника». Я опять не понимаю (видимо, я не только смотрю, но и слышу неправильно), и она объясняет: «Насильнику хуже, чем жертве. Он наносит непоправимый ущерб своей душе». И вроде что-то там с этой душой происходит в тонких мирах. Мне опять непонятно, что с того жертве, но Марианна уже ведет меня в кукольный театр. Это ее собственный театр. Она до сих пор делает кукол. Мне разрешают поводить их над ширмой. Марианна просто искрится гордостью: «Смотри, вот мой медведь. Он ходит как настоящий медведь, на четырех лапах. Только так и должны ходить игрушечные медведи».

Я незаметно вздыхаю. Я не имею права возражать Марианне.

К тому же она подарила мне белого кролика. Такого маленького, кудрявого, из кусочка овчины. «Смотрите, — скажу я детям, — этот кролик совсем как настоящий. И он совсем, ну ни капельки не похож на человека. Но если вглядеться внимательно, если правильно посмотреть…»

ДИАЛОГИ, ИЛИ ЧТО-ТО ВРОДЕ КОЛЛЕКТИВНОГО ПОРТРЕТА

— Комета — это знаешь что? Это звезда с хвостом. Она летит и трется о воздух. Я если ладошки тру, знаешь, как горячо? А она — о воздух!

— А я и не тру! Они у меня и так всегда горячие… Не боюсь я ее, эту комету…

Почти плачет:

— Мама! Ты говорила, в музее динозавры, а здесь одни кости…

Услышал где-то, что существует белка-летяга.

— Ты каких животных любишь?

— Я? Северную козу.

— А я — летучую белку, летучую лисицу, летучего волка… Есть такие, летучие. Правда-правда!

«Подсмотрел» фильм для взрослых:

— Давайте играть! Ты будешь Шерлок Холмс, ты — доктор Ватсон, а я — собака Баскервилей… Я знаешь как выть умею!

— Я первая красавица мира. А она хочет у меня красоту украсть.

— Зачем?

— У нее тогда будет все. Она завладеет миром. Я не могла разрешить и превратилась в камень… А я плакала. Я хотела ее спасти… Но мы пока не решили, кто из нас красивее!

И тут же, рядом:

— А он первый отнял!

— А он меня укусил!

— Опять занятия будут? — этот сегодня с утра недоволен жизнью. Все к нему пристают: то просыпайся, то умывайся, то одевайся. Теперь занимайся! Невозможная, невозможная жизнь! И с надеждой на выход из кризиса — к приятелю: — Давай лучше помашинимся!

Вместо «здравствуйте»:

— Почешите меня! Ну почешите! Вот здесь, между рогами!

— …?

И почти возмущенно:

— Вы что, не видите? Я сегодня олень!

Я облегченно выдыхаю и глажу головку между двумя большими бантами — там, где, мне кажется, у «оленя» должны быть рога. Осторожно прошу:

— Ты завтра, как только войдешь, сразу шепни мне на ушко, кто ты, чтобы я не ошиблась.

Мама обеспокоена:

— Вы не находите это странным? Она все время воображает себя разными животными. Вот вчера говорила, что она — лошадь, — мама переходит на шепот. — Она говорила, что будет есть только травку.

Нет, я не нахожу это странным. Мне это очень понятно.

Да, знаете, кем я сегодня буду?

Дайте секунду подумать…

ПЯТОЕ

Сегодня хороший день — пятое.

Татьяна, моя коллега, пришла однажды в школу и рассказывает: «Возвращаюсь вчера из школы. Мы когда с вами репетировать закончили? Где-нибудь в пол-одиннадцатого? Ну вот. Пока я автобуса ждала, пока на метро… Иду к дому — на улице никого. Ни единой души. Мне надо в арку зайти. Там — черным-черно. Только я пару шагов сделала, от стены отделяется тень:

— Мать, деньги давай.

У меня дрожь по телу. Но на краю сознания все-таки сохраняется подобие мыслей: гляди-ка, мальчишка. Лет 15, не больше. Какой это класс? Восьмой. Ну девятый. Не старше. Так это же из «своих»! И я ему почти весело:

— Сынок, я в школе работаю. Ты в школе бываешь, так? Когда у учителей зарплата, знаешь? Пятого и двадцатого. Вот пятого и приходи!

Ну, и двинулась дальше как ни в чем не бывало. Иду и думаю: как огреет сейчас сзади чем-нибудь тяжелым. Но нет. Пропустил».

А сегодня как раз это пятое. Зарплата.

Я несу свою зарплату, упакованную в мешочек, приколотую булавками к подкладке сумки, и мысленно составляю список того, что не куплю. Потому что купить можно «либо то, либо другое». «Либо то» всегда одно, «либо другого» — много. Я так всегда и говорю сыновьям: «Либо то, либо другое».

В общем, составляю я в голове этот список, спускаюсь в подземный переход и вдруг вижу — старушка! С шарфиками. У нее в руках целый пучок прозрачных шарфиков. Старушка ласково зазывает: «Шарфики, шарфики! Покупаем шарфики!» — и подкидывает один разноцветный в воздух. Тот плавно взлетает, изгибается, выписывает в воздухе загогулину и опадает — медленно-медленно — прямо в руку старушке. А загогулина или ее отражение, такой росчерк чудесной кисти, еще некоторое время висит в воздухе.

Я останавливаюсь, хотя у меня в голове уже сложился длинный список того, что я не куплю.

— Шарфики, шарфики! Покупаем красивые шарфики!

Красивый шарфик — это последнее, что мне нужно в жизни. Точнее, мне вообще не нужен шарфик.

— Все цвета! На выбор!

И снова в воздухе разноцветный, нежно дрожащий росчерк.

Теперь уже для меня. Я смотрю, хотя мне совсем не нужен шарфик. Смотрю — и не двигаюсь с места.

Каждый день я рассказываю своим пятилеточкам сказки. Мы усаживаемся на маленькие стульчики, они берут на руки игрушечных мягких «детей», прижимают к себе покрепче, и я рассказываю.

Можно было бы и читать. Но как, скажите, тогда учить детей пересказывать, если взрослый сам не пробовал и не умеет? Не в детстве, а вот сейчас, когда он такой большой и серьезный. Это не очень честно. И я думаю, умение пересказывать нужно не только в школе. Оно в принципе нужно. Хотя бы для того, чтобы потом, много лет спустя, что-то рассказывать собственным детям.

Ну и вообще, нужно как-то демонстрировать возможности речи, показывать, что означает «импровизировать в слове». (Это аргументы на случай, если я окажусь где-нибудь в компании умников.)

А еще, когда я рассказываю, то смотрю на детей. В этот момент я ничем от них не отгорожена, даже книжкой. И меня очень волнует, могут ли человеческий взгляд, человеческое лицо конкурировать с телеэкраном? Открытый вопрос. Чистый эксперимент. Такой вид экстремального речевого спорта — каждый день рассказывать сказки.

И ведь день с чего начинается? Не успеешь войти, кто-нибудь, у кого карманы того и гляди треснут, потому что набиты роботами, обязательно спросит: «А сказка сегодня будет?» Ты: «Коне-е-ечно, а как же!»

А про себя так: «Если в карманах роботы, как же без сказки? Где ж тогда равновесие сил?» Ты знаешь про этих роботов, про телевизор и принимаешь решение: рассказывать каждый день.

Но довольно быстро выясняется: для этого вида спорта — конкурировать с телевизором силой взгляда и речи — нужно постоянно «качаться».

Что я могу рассказать пятилеткам без подготовки, с ровного места? «Колобок» и «Три поросенка» здесь уже не годятся. Пятилетки хотят волшебства. Превращений, чудес, страшилищ. А мой репертуар состоит из «Сестрицы Аленушки» и «Царевны-лягушки». Еще я с некоторым усилием могу вспомнить «Крошечку-Хаврошечку». Эти три сказки мне в детстве бабушка рассказывала. Потому они врезались в память. Ну, и есть еще «Аленький цветочек» — мой детский кошмар. У меня была книжечка, тоненькая такая, квадратная. На одной странице там был нарисован Зверь лесной — Чудо морское (точнее сказать, заморское, но автор решил подчиниться не логике смысла, а логике ритма). Что такого страшного было в этом Звере

заморском, не очень понятно. Он слегка походил на сатира. Морщинистое лицо. На голове рога. Небольшие круглые рожки. Но смотреть на него, видеть его было невыносимо. Взглянешь — и вечером он тебе явится. Как раз когда тебя спать уложат. И вот ты лежишь и боишься, что он откуда-нибудь вылезет. И не можешь спокойно заснуть.

Чтобы спастись от этого Зверя, ты засовываешь «Аленький цветочек» в самую гущу большой книжной стопки — так, чтобы его трудно было найти. Но проходит какое-то время, и ты «случайно» натыкаешься на эту книжку: ой, вот она! И твоя рука своевольно, без всякого разрешения, тянется к книге и начинает ее листать — как руки несчастных жен Синей Бороды поворачивали запретный ключ в скважине запретной двери. Рука переворачивает страницы, а ты приговариваешь: ничего-ничего, я помню, где нарисовано Чудо морское. Я сразу перелистну туда, где все хорошо. И вдруг — раз: книга распахивается на роковой странице, где зверь в первый раз является купеческой дочери…

В общем, эту сказку я тоже могу рассказать.

Но в целом негусто — когда метишь в Шахерезады.

Поэтому каждый вечер мне приходится учить новую сказку. Да, каждый вечер, кроме пятницы и субботы.

Только при чем здесь шарфик?

— Ну, дочка, не думай, бери. Дешево отдаю. Смотри, как летает. Глаз не оторвешь. Волшебство, да и только.

— Правда, что ли, волшебный?

— А то! Сама погляди!

А ведь мне нужен помощник! Давно уже нужен волшебный помощник. Я совсем забываю про список того, что нельзя покупать. И даже про то, что можно. Я тревожу зарплату в мешочке, который приколот к подкладке сумки. И вытаскиваю бумажку. И отдаю старушке.

— Накось, смотри, какой — самый волшебный.

Даже не улыбнется, хитрая старуха…

Теперь, когда мы усядемся в кружок на маленьких стульчиках, я достану лохматую варежку (до последнего времени я не знала, зачем мне нужна эта огромная одинокая мохнатая варежка). Я поглажу мохнатый бочок и скажу:

— А сейчас позовите сказку.

В ответ на наш тихий призыв (сказку можно звать только тихо) сказка выберется из варежки, взмахнет воздушными крыльями, взлетит, нарисует дугу — волшебную букву сказочного языка — и опадет мне на руки. Я поглубже вздохну и начну рассказывать.

А потом, после сказки (которая, по завету Шахерезады, если

не кончится, то оборвется на самом интересном месте), кто-нибудь самый заботливый аккуратно уложит сказку назад в мохнатую варежку: пусть поспит, отдохнет…

На этот раз «либо то» из списка получилось каким-то странным.

Но ведь мне давно уже нужен был такой разноцветный шарфик.

НА ЗЛАТОМ КРЫЛЬЦЕ СИДЕЛИ…

— Ты знаешь, что я не ханжа…

Муж не любит, когда я дома много говорю о работе. Однако событие кажется мне из ряда вон выходящим.

— …но прийти на работу и увидеть в каждом углу игровой комнаты по голой Барби! Голая Барби — это какое-то постыдное зрелище. Пришлось перед началом занятий собирать все «тела» в корзину. Как прикажешь с этим бороться?

— С чем?

— С этими дурацкими Барби. Такая пошлятина! Все эти выпуклости…

— Что это вдруг пластмассовые выпуклости так тебя раздражают? Ты предпочитаешь кукол нашего детства, похожих на перезрелые груши?

— Я должна покраснеть?

— Ты ж не ханжа? И вообще, к чему весь этот воинственный пыл? Разве не ты выступала за реализм в педагогике? Без слюнявого романтизма? Может, лучше подумать, почему эта Барби нравится детям? — и, закрывая тему: — Кстати, я ничего плохого в Барби не вижу.

— Ах так? Что ж ты тогда на мне женился? Нашел бы что-нибудь больше похожее на дурацкую куклу!

— А ты мне иногда ее напоминаешь. Когда начинаешь вот так рассуждать!

Поговорили. У него прекрасное настроение. А я готова кого-нибудь пришибить.

Что ж меня так раздражает?

Предположим, я уменьшилась в размерах сантиметров до 20 и стою рядом с этой Барби. Тут же выяснится: она — обладательница вещей, которые мне и не снились. И одета так, как я никогда не смогу себе позволить. Кроме того, я что-то не припомню сюжета, по которому Барби ходила бы на работу.

Да мы с ней принадлежим к разным социальным слоям, вот оно что! Может, у меня к ней чувство классовой ненависти? Я раздражаюсь на куклу за то, что она богата? За то, что живет по-другому?

Или за то, что детям нравится ее жизнь?

Неужели действительно все дело в этом? Надо, пожалуй, прямо у них спросить… Или лучше вот так.

* * *

У меня есть одна чудесная рукодельная куколка. Подарок настоящей художницы. На следующий день эта куколка, которой я дорожу, отправляется вместе со мной в детский сад.

Я сажаю их рядом на стульчик — самодельную куклу и Барби. А мы с детьми устраиваемся вокруг.

— Сейчас каждый из вас выберет из двух кукол ту, что красивее. Но попробуйте объяснить, в чем ее красота.

— Я выбираю Барби. У нее красивое платье. Оно как будто блестит.

— Я выбираю Барби. У нее красивое платье. И еще длинные волосы. Они тоже немножко блестят. Барби — блондинка. Это красиво.

— Я выбираю Барби…

— Я выбираю Барби…

Неужели все как один?

— Я выбираю Барби. Она как будто моду показывает.

Все как один. Значит, правда. Им нравится ее жизнь. То, что она «блестит».

А мне, значит, совсем не нравится? Но ведь я люблю сказку про Золушку? А Золушка в конце концов получила блестящее платье. И стала принцессой.

* * *

Да, Золушка стала принцессой. У принцессы Золушки есть *прошлое,* и она пережила волшебное превращение.

А в Барби нельзя превратиться. Барби — это такая константа с заданными параметрами. Не сказочная принцесса, а персонаж рекламы. Главное в Барби — вещи, которые появляются совершенно неволшебным путем — в результате той же рекламы. В ее возможной судьбе нет никакой тайны. Нет никакой непредсказуемости.

Жизнь этой куклы продумана до мелочей. Но не детьми, а взрослыми. Я воздержусь от комментирования нового изобретения — беременной Барби. В лучшем случае это напоминает часы с кукушкой.

Гораздо больше занимает меня муж Барби. На заре своей педагогической юности я мечтала о том, чтобы куклы были разных полов и возрастов. Чтобы дети могли играть в семью, в приключения, устраивать свадьбы героев. Но в моем плане все-таки предполагалась некоторая свобода в выборе жениха и невесты, зависимость от игровых обстоятельств. Короче, я полагала, что у кукол тоже есть что-то вроде Судьбы.

И вот на игрушечном рынке появляется кукла-мужчина. Но появляется с ощутимым уроном для мужского достоинства — не сам по себе, а в качестве мужа Барби. И это — муж Барби — его главное качество.

К сожалению, муж не в комплекте. За него надо платить отдельно. Я не раз слышала, как стесненные обстоятельствами мамы говорили ноющим (или тихо томящимся) девочкам: «Вот получу премию, *купим* Барби автомобиль, новую кухню и *мужа*».

Бывают и более пикантные ситуации. Кукол Барби, к примеру, у девочки две, а муж для Барби — один.

* * *

— Ах, какая прелесть! — одна из мам разглядывает мою тряпичную куклу. — Не то что все эти Барби да Синди! Такая пошлятина! Это все портит вкус. Я вам больше скажу: это уродует психику. Такие игрушки. Моя меня извела: купи да купи ей Барби. Да ни за что! Мало ли что она хочет. Игрушки — духовная пища. Я не стану кормить ребенка какой-то дрянью, даже если он истечет слюной.

Вроде бы это моя союзница. Вроде я должна ликовать.

Но я не ликую. Потому что кое-что знаю. Кое-что неприятное. Нечаянно обнаружила. Дочка этой мамы, дома лишенная «недоброкачественной духовной пищи», душу готова продать первому встречному, чтобы ей дали подержать в руках эту самую Барби. В детском саду, конечно, там, где мама не видит.

— Ну дай, пожалуйста, поиграть. Ну пожалуйста.

— А ты поклянись, что не будешь дружить с Наташкой. И еще что с Надькой не будешь играть. Только со мной.

Слово дается, клятвы приносятся, любые формы зависимости принимаются, только бы вожделенная Барби оказалась в руках! Как-то не вяжется это с духовностью.

В общем, я не ликую.

Была у меня любимая книжечка в детстве — «Козетта». Тоненькая такая. Отрывок из большого романа Гюго. Маленькая девочка живет в услужении у чужих людей, играет щепочками вместо игрушек, и единственная ее отрада — любоваться на выставленную в витрине куклу-принцессу в богатом платье.

Эта кукла — воплощение идеала, недосягаемая мечта. Бессмысленно обсуждать ее действительные достоинства (и отстаивать преимущество щепочек для развития детской фантазии). Важно, что Козетта в конце концов получила эту куклу в подарок. И вместе с ней — уверенность в возможности счастья.

* * *

— Так ты за Барби или против? Нельзя ли как-нибудь прояснить позицию?

Можно: я против однозначных решений.

Да, девочки любят Барби, потому что она блестит. Обладание ею — признак социального статуса. Своеобразная метка успешности и причастности к субкультуре.

А я не люблю Барби — примерно за то же самое. И мне не нравится образ успешности, который с нею связан.

Но я не могу, не имею права запрещать эту Барби лишь на том основании, что она мне не нравится. Я не могу порочить ее даже под предлогом защиты морального облика учеников.

Барби — всего лишь вещь. И не стоит наделять ее избыточной магической силой. Отношение к вещи лишь отражает то, что кроется внутри человека, ребенок он или взрослый.

И, наверное, я могу сделать так, что Барби придется чуточку потесниться.

* * *

Жил-был Принц. Это был очень отважный Принц. Он совершил много подвигов, и ни одно испытание не могло его напугать. А все потому, что мастер, который его изготовил, сделал Принцу крепкий внутренний стержень.

При этом Принц совершенно не был зазнайкой. Так, по крайней мере, считала его Хозяйка, к которой он забегал отдохнуть между своими подвигами. Она укладывала Принца спать на свою собственную подушку и совершенно не боялась оцарапать щеку об его острую шпагу, потому что ради Хозяйки принц ложился спать безоружным.

И все так и шло — день за днем, подвиг за подвигом. Но однажды принц вдруг решил, что должен стать Королем. А для этого ему надо жениться. Кукольная Хозяйка нисколько не удивилась — такое может случиться практически с каждым принцем.

Она пригласила в гости всех известных кукол-красавиц. Куклы расселись на стульях и на диване. А ближе всех к Принцу устроилась Барби в нарядном платье. Барби была точь-в-точь как принцесса. И Хозяйка надеялась, что принц остановит свой выбор на ней.

Но Принц повел себя очень странно. Он посмотрел на красавиц, вежливо им поклонился (он вообще был очень вежливым и галантным), а потом тихонько спросил Хозяйку:

— А что у этих кукол внутри?

— Внутри? — раньше кукольная Хозяйка никогда об этом не думала. Для нее гораздо важнее было то, что у кукол снаружи, то, как они одеты.

Но принц был непреклонен. Он хотел знать правду. Хозяйка немного подумала и ответила:

— Воздух. Воздух — вот что у них внутри.

— Значит, у них внутри пусто? — Принц тяжело вздохнул. Он знал, что Хозяйка расстроится, но ни на одной из этих красавиц он жениться не мог.

— Мне нужна другая невеста, похожая на меня. У моей невесты внутри должен быть твердый стержень, а снаружи пусть она будет мягкой и теплой. Вот тогда я стану счастливейшим Королем. Где мне найти такую невесту? Я готов искать ее хоть на краю света!

— Ну что ж, — задумчиво ответила кукольная Хозяйка. — Тогда отправляйся куда-нибудь к Синему морю. Куда-нибудь далеко, в Тридевятое царство. Или лучше на какой-нибудь остров.

Так и сделали. Принц отправился в дальний путь, а Хозяйка взяла много-много цветных лоскутков, много мягкой пушистой шерсти, крепкий кусочек проволоки и принялась за дело. Она трудилась не покладая рук. И когда принц, после долгих мытарств, приплыл к пустынной земле, он увидел большую пещеру. А в пещере — грустную девушку. У входа в пещеру лежал огромный дракон с зубами в четыре ряда. Его зубы страшно блестели на солнце, потому что были сделаны из фольги.

— Гррау! — взревел дракон, и воздух наполнился гарью. — Гррау! Не подходи! Я превращу тебя в жареного цыпленка.

Но Принц решил, что не имеет права бояться дракона. Он понял, что это не самый злобный дракон на свете. Он сшит из куска вельвета. А Принц во время своего путешествия узнал один важный секрет: вельветовые драконы приручаются с помощью жвачки.

И вот Принц кинул дракону жвачку с сильным запахом мяты, и пока дракон жадно чавкал, облизывался, сопел, вывел грустную девушку из пещеры. Тут девушка

улыбнулась. А Принц полюбил ее с первого взгляда, потому что почувствовал: внутри у принцессы не воздух. Внутри у принцессы стержень — как у него самого.

Принц и Принцесса (и вместе с ними дракон) вернулись домой к Хозяйке. Хозяйка тут же устроила большую пышную свадьбу, куда пригласили всех кукол без исключения. Ведь Принц совсем не был заносчивым. Он просто боялся жениться на ком-нибудь не том.

Куклы пришли на свадьбу, плясали и веселились. И все они были счастливы, даже красавица Барби. Если честно сказать, принц и принцесса мало ее занимали. Но на ней было новое платье ценою в полкоролевства. И все (кроме принца, конечно) не могли насмотреться на это шикарное платье.

После свадьбы Принц наконец-то стал Королем. Он построил просторный дом для своей Королевы. И все опять веселились. А потом Король с Королевой решили родить ребенка…

КАК МЫ ПЕРЕХОДИЛИ В ПЕРВЫЙ КЛАСС

Мы с Татьяной едем с работы домой. Татьяна — учитель музыки. Лучший учитель музыки из всех живущих в нашей стране. Когда мы вместе, то почти всегда говорим о детях, которых учим.

— Не могу поверить, что пролетел целый год. Мы уже в первый класс переходим!

— А как вы будете переходить?

Я навострила уши:

— Есть идеи по «переходу»?

— Ну, для меня перейти — значит действительно перешагнуть некую границу.

— То есть вы полагаете, нужно натянуть какую-нибудь веревочку…

— Может быть, и веревочку. Но не простую, вы понимаете?

Конечно, я понимаю: берешь такую непростую веревочку…

* * *

Сегодня я планирую решающий удар по «формированию мотива к обучению». Как, однако, звучит! Сразу представляется, что нужно взять в руку то ли молоток, то ли мастерок, и этим мастерком прихлопывать да пристукивать. Глядишь, и получился «мотив».

Но что прихлопывать? Вот загадка! Может, надо вообще по-другому: не прихлопывать, а укачивать, ласковые слова говорить, восхищаться ежеминутно невидимым ростом мотива, убеждать его верить в себя…

Разберемся по ходу дела. Главное — суть: предстоит наисерьезнейшая беседа о «прорастании школьника» внутри человека, который до сей поры ходил в детский сад.

Садимся в круг на ковре. Сидящие на ковре не всегда производят впечатление «прихлопнутых» и «сформированных». Некоторые посетители прямо так и говорят: что-то дети у вас расслабленные какие-то, ваша методика их не дисциплинирует. Я вздыхаю (иногда сокрушенно), но «напольную» политику продолжаю: хочешь серьезного, вдумчивого разговора — снизойди до роста детей, окажись с ними в одной плоскости.

Итак, начинаем.

— Наступила настоящая весна! Никто уже не усомнится в ее приходе. И мы с вами…

— Пойдем в поход!

Это реплика справа. Мое педагогическое чутье подсказывает: лучше ничего не заметить. Поэтому я пытаюсь продолжать как ни в чем не бывало:

— Эта весна для нас необычная. Знаете, почему? Потому что вы незаметно превращаетесь в первоклассников.

— И мы пойдем в поход!

На этот раз реплика слева. Мое педагогическое чутье подсказывает: назревает нечто, не относящееся к теме наисерьезнейшего разговора. Но я еще пытаюсь как-нибудь проскочить:

— С превращениями всегда так: никто не может увидеть, как они совершаются. И вдруг что-то меняется в человеке! Он уже не тот, что был раньше. Вот вы были-были маленькими, ходили в детский сад. А тут, оказывается, внутри вас вызрело что-то — как волшебное яблочко, — и надо срочно, прямо на следующей неделе переходить в первый класс.

— И мы пойдем в поход!

— Вы обещали: наступит весна, и мы пойдем в поход. Палатку поставим, как в прошлом году. И будем там сидеть.

— Разве будущие первоклассники могут прийти на полянку и просто так в палатке сидеть? Они должны идти в настоящий поход, навстречу «страшным опасностям и ужасным приключениям». Как Буратино, когда он первый раз пошел в школу.

Стоп, стоп, стоп. Это я говорю? Я же хотела как-нибудь проскочить? А теперь эти ссылки на книжные авторитеты? Как же быстро меня победили!

Пауза.

— А что, я не боюсь приключений! Я даже и опасностей не боюсь. Я, пожалуй, пойду в поход!

Точно, приключений Егор не боится. На прошлой неделе придумал ловить собаку Баскервилей в подвале детского сада, залез туда через отдушину и давай выть. Дети были в восторге.

— А вдруг там разбойники! — у Даньки глаза круглые от страха. Он уже воочию видит и страшные рожи, и кривые ножи.

— Все разбойники зарывают клады. Пираты особенно. Мне папа рассказывал!

Ну, держись. Это Ольга вступила. Чего папа только ей не рассказывал!

Но ведь поиски клада не сильно противоречат педагогическим установкам? Они даже могут способствовать

формированию нужного нам мотива. Все зависит от содержимого клада, так? Ну и отступать вроде некуда:

— А не отправиться ли нам на поиски клада?

— То-о-очно!

— Ура-а-а!

— А что же там, в кладе, будет?

Вот молодцы! Понимают меня с полуслова. Лбы наморщены. Перебираются варианты.

— Ну что, что? Что в кладе бывает?

— Золото, драгоценности всякие.

— Камни бывают разные. Мне мама читала про Синдбада-морехода… Камни должны сверкать!

— Я один раз такой камень нашел. Не веришь? Знаешь, как он сверкал? У него драгоценность с одного боку была!

— Лучше давайте там будет золото. На золото можно много всего купить.

Против золота я не возражаю. Эту роль, по-моему, с успехом выполнят шоколадные медальки. И для родительского актива задача посильная. За организационными мыслями теряю бдительность. Забываю, что все превращения совершаются незаметно. Не вижу, что Маша сидит слишком тихо, подозрительно сосредоточенно. И в тот момент, когда я уже готова расслабиться — все в порядке, перспектива ясна, — глаза ее округляются, и раздается страшный, торжественный шепот:

— Я знаю, что будет в кладе!

Мгновенно воцаряется тишина. Ни у кого ни тени сомнения: она точно знает!

— Что?

— Знаю, но не скажу. Это секрет.

Ну и дела.

* * *

Но она проболталась, наша вещая Маша. Иначе и быть не могло — так ее распирало удивительное открытие. Поэтому вечером Ольга уже все знала и под страшным секретом поделилась тайной с Егором, Егор поделился с Катей, а Катина мама — со мной: «В кладе будет *ключ от школы!»*

И как я раньше не догадалась! Как я могла забыть про «мотив к обучению». А я еще полагала, что нечего хлопать, не по чему постукивать. Вот он, мотив, взял и вылез — в виде *«ключа от школы»*. Может, конечно, тут виноват Буратино с его золотым ключиком. Я ж на него сослалась. А он такая авторитетная

личность.

Только где взять этот ключ и что, собственно, он должен открывать?

* * *

ИЗ КНИГИ
«Экзотические рецепты педагогической кухни»

Рецепт 1. Откуда берутся ключи от школы, которые попадают в пиратские клады

Во-первых, сразу должно быть ясно: это *тот самый ключ.*

Вряд ли вы умеете изготовлять ключи, в особенности — *те самые.*

Поэтому внимательно поищите вокруг: может, ключ завалялся среди других вещей. Или среди вещей ваших близких друзей.

Например, вы приходите в гости, и вам на глаза попадается штопор. Футляр для этого штопора — странное совпадение — сделан в виде ключа. Чем дольше вы смотрите на футляр, тем яснее становится: это то, что вам нужно.

Поэтому вы без всяких сомнений и угрызений совести по поводу порчи чужого имущества отламываете ненужные части (а именно штопор) от его ручки. И получаете головку ключа, которая может вставляться в абсолютно ПУСТОЕ отверстие футляра. То есть у вас в руках предмет подходящей формы и подходящего размера.

Правда, существует одна опасность: когда кладоискатели обнаружат этот ключ в кладе, они непременно выдернут из футляра головку. И непременно встанет вопрос: «А для чего там дырка?» Поэтому пустое отверстие, предназначавшееся раньше для штопора, нужно чем-то заполнить.

Рецепт 2. Чем можно заполнить пустое отверстие небольшого предмета

Пустые отверстия *тех самых ключей,* происходящих от штопоров, можно заполнить записками. А записки должны объяснять местонахождение жизненно важных дверей и способы их отмыкания. Записка пишется крупными печатными буквами и помещается в отверстие ключа так, чтобы ее кончик торчал наружу. Тогда способность головки ключа (в прошлом — ручки штопора) отлетать в неподходящий момент от основания превратится в ценнейшее качество данного предмета.

Рецепт 3. Где взять дверь, которую будет открывать тот самый ключ

Подобрать подходящую дверь гораздо труднее, чем ключ: во-первых, ключ должен подходить к этой двери (даже если он сделан из штопора). Во-вторых, она должна открываться куда-то, что тоже соответствует требованию быть *тем самым.*

Поэтому лучше, если никакой двери не будет вообще. Никакой видимой двери. А *невидимых* дверей может быть сколько угодно — по количеству поступающих в первый класс. Невидимая дверь удобна тем, что ее можно открывать в любом удобном для вас месте. А то самое, что должно за ней находиться, каждый может увидеть внутренним зрением. Это, безусловно, что-то важное и прекрасное, но составляющее индивидуальную тайну каждого «открывателя»…

Рецепт 4. Как сделать пиратский клад

Приготовление пиратского клада состоит из двух этапов.

Этап первый. Берется глиняный горшок (или старый сундук, или чугунок, или любая другая емкость, которой обычно пользуются при захоронении кладов). Горшок наполняется золотыми монетами (возможна замена шоколадными кругляшками в золоченых обертках). Туда же помещаются моток *непростой* веревки и *тот самый ключ.* Клад готов к захоронению.

Этап второй. Чей-нибудь папа берет лопату, отправляется в лес и в каком-нибудь тайном, но согласованном месте это клад зарывает. Чей-нибудь папа в этот момент должен чувствовать себя настоящим пиратом, иначе ничего не получится. Это очень важно ему объяснить вместе с инструкцией, где и как зарыть клад.

Дорога к кладу помечается специальными знаками — *метками,* цель которых — нагонять ужас и таинственность.

Пиратский клад готов к употреблению.

Рецепт 5. Когда и как отправляются на поиски клада

На поиски клада отправляются в тот день, когда ни о чем другом думать уже нельзя, и искатели готовы преодолевать препятствия, терпеть лишения, проявлять мужество, благородство и отвагу. Каждый искатель по этому случаю должен одеться в походную форму и у него должен быть небольшой рюкзачок. Иначе какой же это поход?

Содержимое рюкзака: два-три бутерброда, бутылка водички, пара носков, салфетки. Желающим разрешается взять оружие. Оно пригодится, чтобы пойти в разведку в большой глубокий овраг у самого края леса. А вдруг там кто-нибудь есть? Кто-

нибудь нехороший?

Еще для поисков клада (несмотря на наличие меток) обязательно нужна карта, безвозвратно утерянная пиратами в давние времена.

Рецепт 6. Откуда берется карта

Карту, чертыхаясь и проклиная вашу работу, рисует ваш муж (или друг). Рисует, естественно, поздно ночью, потому что мысль о карте посещает вас в последний момент вашей двигательной способности. Впрочем, скрежет зубов и темнота за окном наделяют карту дополнительной энергетикой, а рисующего — вдохновением. Поэтому к карте вы получаете еще и огромный конверт, изрисованный роджерами и загадочной надписью: «Не открывать тем, кому не положено».

Конверт появляется в группе «совершенно необъяснимым образом». Все приходят утром — и вдруг конверт.

Условия вскрытия конверта:

1. Высказать гипотезы о его попадании в группу. Возможные варианты: залетел, взялся ниоткуда, упал, почтальон Печкин. Любой считается удовлетворительным.

2. Разобрать таинственные надписи. Это работа для «продвинутых» в умении читать. Каждое разобранное слово встречается бурей эмоций.

3. Решить, те ли мы, кому «положено открывать». Возможные варианты: «А вдруг там бомба?», «Я боюсь!», «Раз к нам попало, значит, положено!»

Принимается только последний вариант.

Вскрытие конверта и извлечение карты вызывают всеобщее ликование и являются сигналом к выступлению.

Рецепт 7. Как сделать путешествие за кладом полным опасностей и приключений

Для поисков клада выбирается пересеченная местность с крутыми склонами и трудными подъемами. Какой-нибудь особенно крутой овраг перед массовым выступлением обследуется вооруженной разведкой (без взрослых). Разведка может для острастки пострелять.

Еще необходимы *следы.* Их роль в приключении не ясна, но оказавшийся вместе с вами биолог может направить коллективную мысль в русло гипотез и рассуждений типа: «Подорожник по-индейски — «след белого человека». Белые притащили в Америку семена этого растения из европейских стран на подошвах своих башмаков.

Если здесь растет подорожник, значит, здесь были белые

люди. И эти белые люди — наверняка пираты.

И эти пираты зарыли где-то здесь клад. Мы на верном пути!»

Рецепт 8. Предосторожности при выкапывании кладов

Извлечение клада из земли и знакомство с его содержимым вызывает у старателей сложные чувства: с одной стороны, их ожидания оправдались, с другой — азарт от этого лишь возрастает — «А вдруг там еще что-то есть?!» Рыхление окрестностей может продолжаться довольно продолжительное время, если не направить энергию роющих на какое-нибудь другое занятие, например на поедание общей победной трапезы.

Рецепт 9. Что делать с предметами, обнаруженными в кладе

Назначение обнаруженных в кладе предметов не может быть выяснено сразу. Это сюжет ближайшего праздника, связанного с переходом в школу.

Первое. Золото (шоколадное).

Каждый получает свою долю золота. Но! Золото не съедается. Именно потому, что очень хочется съесть. Необходимо сохранить золотую монету нетронутой до 1 сентября, принести ее в школу в свой первый учебный день и тогда — только тогда — торжественно съесть. А пока ею можно только любоваться. Почему? Да потому что эти монеты лиса Алиса и кот Базилио украли у Буратино, когда он шел в школу. А уж от них — от лисы и кота — золото попало к пиратам. И теперь необходимо восстановить справедливость, испытав свою волю.

В общем, нельзя есть эти конфеты как нечто обыкновенное, без всякого смысла.

Второе. Веревка (непростая).

Этому предмету посвящено коллективное размышление на тему «Зачем здесь веревка?». Сначала требуется понять, на что она похожа.

Варианты: на змею, на ремешок, на червяка, на железную дорогу.

Ваш вариант: «Веревка, если ее растянуть, станет чертой, границей. Переступивший границу становится школьником».

Когда открытие сделано, веревка торжественно натягивается на высоте 1 дм от пола между двумя кадками с цветами (или между двумя стульями, или между чем-нибудь еще).

Лицезрение натянутой веревки-границы проходит в почтительной тишине.

Третье. Тот самый ключ.

Назначение ключа выясняется из обнаруженной в нем записки. Перед тем как переступить границу, каждый на это

решившийся должен очень медленно, внутренне собравшись, подойти к условному месту (звучит медленная торжественная музыка), взять в руки ключ, с закрытыми глазами открыть только ему видимую дверь («чик-чик!») и «войти» в нее. После этого можно открыть глаза и перешагнуть веревку. А там…

Рецепт 10. Что может происходить за границей

За границей происходит наделение символическими дарами — новеньким рюкзачком или ранцем. Дары призваны продемонстрировать очень важную вещь: изменение социального статуса. Обладатель школьного ранца, совершенно счастливый, под веселую музыку бежит к своему стулу.

А место у веревки-границы занимает следующий готовый к судьбоносному шагу.

Рецепт 11. Что делают родители в момент посвящения их детей в школьники

Родителям в этом момент положено прослезиться от противоречивых чувств. Ребенок, конечно же, перешагнул границу и очень рад новенькому рюкзаку. Но этот рюкзак у него за спиной все-таки напоминает горб, тяжесть которого скоро придется ощутить…

Однако новизна всегда наполняет нас чувством жизни. А потому — да здравствуют *первоклассники!*

ДВА ПИСЬМА

Письмо первое

Здравствуйти
Марина Семеновна
Вы не знаете откуда взялся человек.
Досвидание
леня

Письмо второе

Здравствуй, Леня!

Извини, что не сразу ответила на твое письмо. Пришлось подумать над ответом.

Знаешь, меня тоже очень интересует, откуда взялся Человек. Вообще — откуда берутся *люди.* Я читала про это разные книжки. Но никто, как мне показалось, не может точно ответить на этот вопрос. Ученые высказывают различные гипотезы (гипотезы — это такие мысли-фантазии).

Нам нужно подумать над этим вместе с ребятами. Как соберемся вместе 1 сентября, так и начнем сразу думать. Это же очень важно: понять, откуда что берется.

До свидания.

Марина Семеновна

ДЕЛО ДЕДА МОРОЗА, ИЛИ ЗАНАВЕС ОТКРЫВАЕТСЯ

В понедельник, 29 декабря, на столе в не запертой по халатности театральной комнате вездесущие первоклассники обнаружили нос.

— Ага! Нос! — торжествуя, воскликнула маленькая деловая Вера, и у меня внутри все похолодело. В коридоре послышался топот ног еще нескольких детективов. Они были вызваны для исследования этой вопиющей улики, а также для опознания обнаруженных тут же шубы и бороды.

Я чувствовала себя преступником, застигнутым на месте преступления, и в отчаянии перебирала все возможные алиби.

— Ха-ха! Переодетый!

— Ненастоящий!

— Накрашенный был!

— Нос-то пластмассовый!

Единственным серьезным аргументом в нашу пользу были подарки. На это я и собиралась нажимать в ближайшем разговоре, который, увы, приходилось откладывать до «после каникул». Наступал Новый год…

Новый год — единственный праздник, в отношении которого нам удается сохранить непосредственность чувств на протяжении всей жизни. И дело не только в подарках. Дело — в бое часов. Где-то там, внутри последнего удара, наступает удивительное мгновение — мгновение отсутствующего времени: старое уже закончилось, а новое — еще не началось! Мгновение стыка конца и начала, вызывающее душевный трепет, страх, восторг! Жизнь прерывается на вздохе — она же не может быть вне времени! — и продолжается лишь с окончанием боя часов.

— Если не уснете до боя курантов, постарайтесь почувствовать, что это значит — оказаться между Старым и Новым годом. А вдруг кому-нибудь удастся подглядеть, как это происходит? *Как* наступает Новый год? И на что он наступает? Ведь если кто-то из вас на что-то наступит, мы это сразу увидим.

* * *

— У меня вдруг потух свет. А потом под елкой оказались подарки.

— А у нас кто-то сильно в дверь постучал, мы побежали — а

там мешок.

— А у меня утром все было в чулке над кроватью. Чулок специальный такой — красный, пушистый.

— А я на елке была, и мне Дед Мороз вот что принес!

Спрашиваю осторожно:

— Настоящий?

— Да-да! Настоящий!

— И у меня настоящий был!

— И у меня!

— Так… А на празднике, значит, ненастоящий был? — (может, я напрасно лезу в бутылку?)

Смеются:

— Нет, ненастоящий! Разве у настоящего пластмассовый нос бывает?

Перевожу дух. Значит, есть-таки настоящий. Все не так плохо.

— Но согласитесь, подарки-то настоящие были?

Стас — рационалист, на мякине не проведешь.

— Подарки ведь и купить могли…

— Что же не отказались? — кажется, я обиделась. Ну и ну! Надо мириться. — Знаете, а вы правы. Кроме настоящего, бывают переодетые Деды Морозы. Когда я была маленькой девочкой (меньше вас), я об этом не знала. А потом моя бабушка рассказала мне по секрету, что Дед Мороз, который на елку приходит, — это переодетый артист. Накрасит нос специальной краской (грим называется), приклеит бороду — и получается Дед Мороз. Знаете, как я обрадовалась? Я ужасно обрадовалась. Вдруг оказалось, что в Деда Мороза кто хочешь превратиться может. И в Снегурочку, значит, тоже. А мне так хотелось превратиться в Снегурочку! Я всегда думала: вот наряжусь в Снегурочку — и буду совсем как настоящая. И никто-никто не догадается, что я просто переоделась. Вы тоже так можете.

— Переодеться?

— Ну да. Переодеться и в кого-нибудь превратиться. Главное — правильно это сделать. Согласны?

* * *

Значит, так.

Мальчиков-зайчиков, девочек-снежинок отменяем. Мальчиков-петрушек, девочек-матрешек тоже отменяем.

Вообще отменяем весь традиционный набор гендерных ролей, созданный в ходе длительного исторического развития советского детского сада.

Пять стихов с табуретки под елкой, рассказывают те, кого слышно и кто прилично выговаривает слова, кто по этой причине уже выступал с той же самой табуретки перед Красавицей Осенью и наверняка будет выступать перед Красавицей Весной — отменяем.

Тонких ставим вперед, а толстые пусть будут сзади — отменяем. Невзирая на стоны хореографа-профессионала.

Теперь родители-зрители. Публика. Чем обычно занята публика на детском празднике?

Вариант первый: сидим, глядим, ревнуем. Ага, главные роли опять у тех же самых! В прошлый раз они Деду Морозу стих с табуретки читали, и опять их поставили на табуретку! А мы, между прочим, воспитателям на конфеты тоже деньги сдавали.

Вариант второй: мы прям в цирк попали. Ха! Смотрите, как этот в носу ковыряет, когда свой стих рассказывает. А эта юбку задрала до подбородка и машет ею — вот дирижерша! А тот-то, тот-то! Эк заклинило его на одной и той же фразе. И вообще он все время «фа-фа» произносит вместо других слогов. А та тому на ногу наступает. Вот умора!

Оба варианта отменяются.

Вообще отменяются праздники. Такие праздники.

А что тут поделать? Ну не люблю я цирк. Не цирк вообще, а конкретную его составляющую — дрессированных животных: медведей на мотоциклах, слонов, которые опускаются на колени, львов, которые куда-то там прыгать должны по удару хлыста. Я готова признать, что это особенность моей психики. Моего восприятия. Но можно ли делать вид, что этой особенности не существует? Можно ли не учитывать их в том классе, где я работаю?

Да, цирк меня мало греет. Зато я люблю театр. Я считают, что для детей театр — как хлеб насущный. Не менее важная вещь, чем математика или русский язык. Дети нуждаются в опыте превращений. В опыте легализованного волшебства. В том, чтобы их увидели в свете рампы.

Смотрите, что происходит.

Выходит на сцену Дима десяти лет от роду. Все как в лучших домах: костюм, бабочка, гитара. И вдруг выясняется, вот в этот самый момент, что Дима — красавец. Вчера ты готова была убить этого Диму. Даже язык не поворачивается рассказать, что он вчера вытворял на перемене. А сейчас Дима под аккомпанемент фортепиано играет на гитаре нечто классическое. И видно, что весь он — внутри музыкальной пьесы. И пальцы какие ловкие. Ну и, опять же, глаза. Глаза на лице живут. Я смотрю на Диму и говорю себе: запечатлей его в сердце. Таким, какой он сейчас.

Запечатлей покрепче. Тогда ты его уже не убьешь. На уроке русского языка. Во время какого-нибудь тренировочного диктанта. Или во время контрольной по математике. Когда ему придет в голову кукарекнуть (или издать другой звук. Звуковой репертуар у него довольно обширный).

Нельзя — невозможно — убить того, кто был так прекрасен на сцене.

Или вот еще Вова. Вова в обычной жизни — такой непростой персонаж, способный, к примеру, вытянуть из-под соседа стул, когда тот опускается на место после ответа. Ответ отобрал у соседа все силы, он уже мало что соображает. Он уже получил от меня по полной программе. И ему очень надо на стул и наконец-то вздохнуть. И он, конечно, не видит, что Вова с невинным видом этот стул отодвинул, и ему, соседу, теперь на стул ни за что не попасть.

Но и Вову придется щадить, потому что он очень правдоподобно играл праведного волхва. Через эту роль (он ведь переживал, я видела) Вова вроде как приобрел индульгенцию на ближайшее время.

Или Тимур. Ругается матом по поводу и без повода. Но ведь танцует как! У публики дух захватывает. Тоже придется не убивать.

В общем, свет рампы — это такой психотерапевтический свет для учителя.

А возьмите родителей. Они ведь живые люди. И работают много. Они уже все терпение истратили на своего начальника, а дома их поджидает некто с записью в дневнике. Там записано, что этот некто сделал что-то не очень хорошее. И еще там оценки. За последнюю административную. От которой зависит четвертная оценка. Как тут не поддаться разрушительным импульсам? Так что родителям психотерапия рампой нужна еще больше, чем мне.

Когда родители видят своих детей в свете рампы, в них пробуждается надежда на светлое будущее. А как иначе? Одна мама помогала мне наряжать детей в ангелов перед каким-то спектаклем. Надо было накрутить на них что-то белое и прозрачное. Какие-то крылышки, складочки. Мама накручивала, накручивала, подшивала, укладывала — и наконец закончила. Отступила на шаг, чтобы работу свою оценить, и даже руками всплеснула: «Это ж не дети — ангелы!»

Да, так вот. Свет рампы и волшебная сила искусства.

Я в нее очень верю.

И поэтому я ничего не ставлю с маленькими детьми.

Я рассказываю им сказки, «показываю» стихи, мы играем в разные игры, где нужно все время представлять и изображать.

Но я ничегошеньки с ними не ставлю. Не вывожу их строем на сцену. Не ставлю на табуретку под елкой. Изо всех сил оттягиваю этот момент.

Зато я расставила сети.

И, как охотник, выжидаю момента.

* * *

— Хорошо бы показать нашим детям спектакль. Силами взрослых. Это, знаете, такой наглядный пример обращения невозможного в возможное. Образец культурного поведения. Очень действенный. Заразительный. И потом, обещаю, дети сыграют тот же спектакль. Через год или два. Может, им даже достанутся роли родителей. А спектакль — он просто не может получиться плохим. Поверьте: спектакль, который мы с вами поставим, обречен на успех.

Точнее, в родительском театре успех ничем не отличается от поражения. Я почти сразу открыла этот закон — когда случился наш самый первый взрослый спектакль.

Первый спектакль — это всегда непросто.

Родитель — серьезный, уважаемый человек. И вдруг он вот так, от нечего делать, выйдет на сцену? Позориться? К тому же ни у кого нет времени. Вообще никакого времени. Все работают в четыре смены. И в выходные. Да, с утра до вечера все работают, и в выходные тоже.

И еще почти в каждом родителе живет детское воспоминание: мальчики-зайчики, девочки-снежинки, толстых ставим назад.

В общем, увольте.

Поэтому сразу, в лоб родительское нежелание испытать себя сценой не одолеть. Придется использовать партизанскую тактику.

А близится Рождество. Оно уже на носу. И хочется чуда. Чудо — это такая штука, которая чаще всего является через детей. Ты что-то им рассказал, показал — и внимательно смотришь: как оно отзовется? И вдруг видишь: отозвалось! Вот оно, переживание чуда, написано на детских лицах. Тебя накрывает волной неподдельного счастья, когда ты наблюдаешь, как они верят: в волшебство, в Рождество, в Деда Мороза, в торжество справедливости. Потому что они всегда верят по-настоящему. А как устоять против магии настоящего чувства?

В общем, я никогда не скрывала, зачем это надобно взрослым — устраивать детям праздники. Почему не стоит жалеть на них сил и времени. Да для того, чтобы приобщиться к истинному переживанию. Это всегда терапия для взрослых, прорыв из

привычной бытовой круговерти в новое измерение. Вроде понятная вещь, но объяснить ее трудно. На словах — почти невозможно. Здесь работает только пример. Только чужой, наглядный и успешный пример.

В общем, важно начало.

Ты по дороге из школы домой устраиваешь мозговую атаку — атакуешь сама себя. Какие людские ресурсы у нас имеются? Во-первых, Оленька. Чудная девушка, которая работает в моем классе-группе помощником воспитателя в ожидании вступительных в МГУ. Она — готовый ангел. В прямом и переносном смысле.

Но наличие Оли революционной ситуации не создает. Для нее играть какую-то роль — нечто вроде обязательного функционала. А нужны родители. Хотя бы двое родителей. Вот Машина мама. Преподаватель по классу фортепиано в музыкальной школе. Она хорошо поет. Попросим ее быть Марией. Я думаю, она согласится. Машина мама — тоже учитель, но с чужой территории. И для нас она все-таки больше родитель.

Еще нам нужен Иосиф. То есть мужчина-актер. Почти нерешаемая задача для первого спектакля (только для первого). Но без Иосифа рождественский спектакль совершенно невозможен. Непременно нужен Иосиф. Где же его добыть?

У меня есть подруга Лера. Старая школьная подруга. И она — так случилось — водит ко мне ребенка. Это не совпадение. Моя школьная подруга по каким-то собственным соображениям возит ко мне своего ребенка за тридевять земель. Зачем-то ей это нужно. И у нее есть муж Миша. Я его знаю невесть сколько времени. Я знала его еще до того, как он стал родителем. И мне хорошо известно, что Миша три года служил на подводной лодке. А теперь он — что очень кстати — папа моей ученицы. Неужели Миша откажется посидеть во время спектакля в вертепе? За Иосифа? Миша — и струсит? Зачем он тогда служил на подводной лодке?

В общем, я думаю, Миша просто не может мне отказать в преддверии Рождества. Это было бы бесчеловечно.

Звоню.

— Миша, тут есть идея — детям праздник устроить. Такой, какого у них еще не было. Все уже придумано, сделано. За исключением мелкой детали: нет актера на роль Иосифа. Всего-то и надо, что посидеть в вертепе. Миша, там будет темно. Тебя почти не будет видно. А слов немного. Несколько фраз.

И все напираю на то, что Миша был подводником.

Ну, и Миша мне уступает. Потому что он очень хороший. Добрый. И смелый. И он искренне хочет устроить для детей

необычный праздник.

В общем, мы ставим свой первый взрослый спектакль с участием родителей. Пока — двух.

Полагаю, это было странное зрелище. От волнения все актеры двигались по сцене, как роботы из фантастических фильмов первого поколения. Кроме Оли. Оля, как и ожидалось, была рождена для роли ангела. Ну, и кроме Миши. Он вообще не двигался. Как и было обещано, Миша сидел в вертепе и ждал, когда придет его время произнести две фразы. Когда же время пришло, он, по его словам, покрылся холодным потом — хотя и служил три года подводником. Но Миша совершенно напрасно боялся. Никто не услышал, что он там произнес в самом конце спектакля. На словах «Смотри, Мария!» крыша вертепа, не выдержав тяжести вифлеемской звезды, издала угрожающий звук и стала крениться, грозя нарушить рождественскую благодать и погрести под собой актеров и декорации. Я спешно ударила в тарелки, выскочила на сцену и, натянув на лицо радостную улыбку, задернула шторку, ползающую по веревочке. Она заменяла занавес на нашей импровизированной сцене. Так что о том, что вертеп обрушился, можно было догадаться только по звуку. И я до сих пор питаю иллюзию, что никто не стал на этом сосредоточиваться. Следом за мной на сцену спешно выскочила ангел Оля и объявила, что чудо свершилось и все теперь будет хорошо. Дети получили в подарок красивые свечки и пошли зажигать их у елки. Вообще-то я склонна к излишним волнениям (как оно все там было, что подумали взрослые зрители, какое у них настроение), но свечки — это опасно. Тут нужно бдеть в оба глаза. Поэтому я стала бдеть и петь вместе со всеми колядки.

В общем, случился у нас наш первый спектакль.

Ну, а потом мы играли разное. Дальше я позволяла себе даже кастинг (мысленный): этот папа хорош для роли волка, а этот сыграет профессора. Оказалось, многие папы если и не служили подводниками, то прошли километры суровых туристских троп. О мамах вообще молчу. Только женских ролей почему-то всегда маловато.

…И вот показан один из наших спектаклей. Тот, что должен сыграть роль сети. Неделю спустя подходит ко мне один папа:

— Меня, Марина Семеновна, Егор к вам подослал. Каждый день пристает: сходи да сходи к Марине Семеновне. Пусть бы она дала роль. Ну, хоть какую-нибудь малюсенькую ролишку.

А Егоркин папа — один из наших лучших, испытанных актеров.

— Не рано ли? Мы вроде бы договаривались, что начнем с

детьми через год спектакль ставить.

— Ну, вот видите. Не может уже терпеть.

Тогда я собираю «народ» на ковер.

— Егорка хочет играть в спектакле. Кто еще хочет?

— Я-я-я-я-я-я-я-я!

— Вы видели, как играют мамы и папы. Но знаете, сколько нам пришлось репетировать? Повторять одни и те же слова? Ходить по сцене туда-сюда? Вдруг вам станет скучно?

— Не-е-е-е-е-т!

— А если не сразу все получится? Если я стану сердиться? Посмотрите, какое тогда у меня будет лицо!

Смеются.

— И не смейтесь. Это серьезно. Значит, вы согласны быть как актеры?

— Да-а-а-а!

— Выносить все тяготы актерской жизни?

— Да-а-а-а!

— Учить наизусть слова? Слушаться режиссера? Танцы разучивать на занятиях хореографии? А на кого-то из вас Юлия Авенировна жаловалась. Актеры такое не могут себе позволять.

— А какая у меня будет роль?

Это самый маленький, Данька. Какая у него будет роль? Вы бы слышали его дикцию! Да если его поставить на табуретку… Но знаете, что я скажу: у него будет роль. Неожиданная. Такая, которая ему непременно понравится. У всех будут роли.

— Давайте так: я немножко подумаю и скажу, что будем играть. Чтобы каждому досталась интересная роль. Согласны?

Конечно, согласны. В общем, «Занавес открывается!».

ЖИВОЕ И НЕЖИВОЕ

Я на семинаре по естественно-научному воспитанию малышей. Руководитель кружка юных зоологов Юля делится опытом: «Обычно дети приходят ко мне в семилетнем возрасте. На первом занятии я выставляю на стол камень, куклу, выпускаю морскую свинку и спрашиваю: что здесь живое? Дети, как правило, отвечают сразу. Но я прошу доказать. Будущие ученые должны научиться подбирать аргументы в защиту своих высказываний. Поэтому я говорю: сейчас я буду вас путать, а вы мне доказывайте, что морская свинка — живая.

Как они стараются, все громко кричат:

— У свинки глазки!

— И у куклы глазки.

— Свинка бегает!

— И машина бегает — двигается.

— Свинка теплая.

— И мотор у машины теплый, когда работает.

И так долго-долго. Иногда кто-нибудь скажет, что свинка размножается. Это высший пилотаж. Но и этого аргумента недостаточно. Вот отвалился от камня кусочек. Он размножился или нет? Был один камень, а стало много — два. Моим неискушенным новичкам должно стать ясно: не могут они самостоятельно ответить на этот вопрос. Тогда я достану микроскоп и покажу им клетку. Только на клеточном уровне можно действительно доказать, что живое, а что — неживое».

Мне все это очень нравится. Я вдохновенно записываю за Юлей, в чужих детских репликах слышу голоса своих первоклашек. А уж Юлю так ясно себе представляю, словно она — это я. И такое занятие у нас получилось (на бумаге, конечно) — стройное, красивое, последовательное, — что хочется сразу воплотить его в жизнь.

Почему бы на следующей неделе и нам не обсудить живое и неживое? Да нет, прямо завтра!

— Мы вчера записали в тетрадях одно очень важное слово: жизнь. Я попросила вас поразмыслить над серьезным вопросом: что такое живое и чем оно отличается от неживого. Готовы к обсуждению?

Готовы и рвутся в бой. Что там полагается по сценарию? Глазки, ушки? Умеет бегать?

— Я знаю! Живое — это в чем есть жизнь.

— Как это?

— Ну, то, что внутри, оно невидимое.

— И я знаю. Живое — это то, что может умереть.

Крутой вираж. Где же глазки?

— Стоп! Давайте-ка поиграем. Я буду называть разные слова, а вы просто отвечайте: живое — неживое. Начали! *Стол.*

— Неживой.

— *Окно.*

— Неживое.

— *Цветок.*

— Живой.

— *Машина.*

— Неживая.

— *Дерево.*

— Живое.

— *Камень.*

— Неживой.

— *Пианино.*

— Живое.

— *Пианино?*

Настойчиво и единогласно:

— Живое!

— Почему?

— Оно из дерева. А дерево живое.

— Но ведь и стол из дерева. Вы говорите, он неживой.

— В пианино музыка живет. А вы сами говорили — музыка живая.

— Тогда и магнитофон живой?

— Неживой. Он холодный.

Вот тебе и раз! И, главное, бьют в точку. Вообще про музыку как-то сложно возражать. Мне, по крайней мере. Попробуем с другой стороны.

— Хорошо, а *земля?*

— Неживая… Нет, живая! На ней вон сколько всего растет. Это же из нее растет!

— А *вода?*

— И вода живая. Она же поет. А все, что поет, живое. Музыка — живая.

— У живого есть душа.

— Но как же это определить? — я все еще пытаюсь вернуться к заданному сценарию.

— Так почувствовать можно!

Ах так? Ну ладно!

— Тогда скажите, а *кукла* живая?

Без тени сомнения:

— Днем неживая, а ночью живая. Ночью все куклы оживают, потому что они похожи на людей.

Это что же такое? Следствие моей педагогической ереси? Всяких игр вроде «На свете все на все похоже»? Неужели — прощай, естественнонаучность? Но как же все-таки интересно!

— А *кукла* может умереть?

— Сломаться?

— Ну да, если какой-нибудь грубиян оторвет ей голову?

— Тогда она ночью точно не оживет!

— Да, хороший разговор! — говорит один очень умный и подводит вместо меня итог. — А вообще-то и камень может ожить… Если очень захочешь. Все может превращаться.

День окончен. Делаю выводы. Обнаруживаю, что я почти счастлива. «То, что поет, живое!» Кто осмелится с этим поспорить?

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ МОЛИТВА

Правоверные иудеи начинают свой день словами: «Благодарю тебя, Господи, что не сделал меня женщиной!» И в этом люди самых разных вероисповеданий с ними вполне солидарны. Люди мужского пола, конечно.

Но если ты женщина, да к тому же учитель, что сказать Господу?

Быть не-мужчиной-учителем очень трудно. Известные педагоги в большинстве своем рождались мужчинами. Мужчина, он и размером больше, чем женщина: ка-а-ак пройдется, ка-а-ак взглянет — сразу понятно: сила. А силу все уважают. Включая детей.

Ну а если ты женщина?

Приходится делать вид, что ты все можешь, как настоящий мужчина. Серьезно так притворяться, иначе тебе не поверят.

Но сколько ни притворяйся, на самом-то деле ты женщина. Глядь — а все силы потрачены на притворство. Ничего не осталось. Приходишь домой, а там уже все собрались — муж и дети. Муж говорит:

— Смотрите, кто к нам пришел: выжатый лимон! Ты зачем так устала? Чтобы нам ничего не досталось?

И дети кричат:

— Конечно, *им* все самое лучшее! Ты *их* больше любишь!

Тогда учитель-женщина улыбнется и скажет:

— Что вы, что вы! Я совсем не устала! Видите: я веселая. Сейчас всех поцелую, со всеми уроки выучу и пирог испеку.

И вот ты всех целуешь, печешь пироги и думаешь: как бы тетрадочки незаметно проверить? Как бы неслышно родителям Наденьки позвонить? И родителям Петеньки. И родителям Оленьки. И учителю физкультуры: что там с воскресным походом?

Но если домашние тебя за этим застукают, то обидятся страшно.

Муж скажет:

— Ты все время мне изменяешь!

Женщина-учитель только руками всплеснет:

— У меня на это времени нет! Я же все время работаю.

— А я о чем говорю? У тебя к работе эротическое отношение!

Ты поплачешь немного и помолишься перед сном: «Господи! Помоги мне быть женщиной и учителем. Одновременно, Господи!»

Но Господь тебя не услышит. Он ведь тоже мужчина.

«ПАПСКАЯ ПЕДАГОГИКА»

Все-таки как-то неправильно начинать каждый день со слов: «Жаль, что я не мужчина». Непродуктивно.

Может быть, у мужчин и получилось бы лучше, возьмись они за педагогику. Они же как волки — чуют творческую добычу.

Вот пришли бы они к нам в класс, напитали бы атмосферу настоящей мужской энергетикой, чтобы мы тут не расслаблялись. Чтобы мы тоже искали: где она, эта творческая добыча? И мы бы тогда все вместе что-нибудь совершили. Что-нибудь невозможное. И случилось бы в нашей жизни настоящее приключение. Жизнь должна быть сюжетной, так ведь? Чтобы не было скучно.

Только как же их заманить в педагогику? Не вообще в педагогику, а в конкретное место — в мой класс. Где потребность остро осознана.

Выход один — расписаться публично в собственных женских слабостях. Так, чтобы это признание пронзило мужские сердца. Чтобы сработал инстинкт: это слабое существо нужно срочно спасать!

Внимание! Всем внимание!

Объявляется «парное» родительское собрание! На повестке дня проблемы, которые невозможно решить без помощи пап. Донести всю важность предстоящего мероприятия до подлинных адресатов послания поручается мамам.

Кажется, мамы справились? Женская солидарность — великое дело.

Начинаем психическую атаку.

Три, два, один!

«Я думаю, что как педагог могу дать вашим детям достаточно много. *(Пауза, выразительный взгляд, тестирующий аудиторию на принятие тезиса.)* Но каковы бы ни были мои возможности, они ограничены. *(Пауза. Взгляд: такое признание сделать непросто.)* Одно из ограничений определяется моей половой принадлежностью: я — женщина. *(Еще одна пауза: мол, это неоспоримый факт. И его не скрыть под учительским имиджем)»*

Тезис, кажется, принят. Моя откровенность оценена. Моя половая принадлежность вызывает у присутствующих неподдельное сочувствие.

Переходим к следующему этапу — демонстрации психологической грамотности. Здесь уже надо без пауз, с нарастающим напором.

«Не секрет, что современная школа навязывает детям парадигму женского воспитания и не покрывает их

психологические запросы — прежде всего запросы мальчиков. *(Чуть-чуть терминов не повредит. Но важно не переусердствовать.)* Обучение при всех наших стараниях остается по большей части словесным. А мальчикам нужно другое. Им нужно не только рассказывать — им нужно много показывать. Им нужно предоставлять возможности для разноплановой деятельности. Только так они открывают для себя новые возможности и перспективы. Ну, и девочкам — современным — это очень пойдет на пользу».

Теперь можно переводить речь объяснительную в речь наступательную.

«Я уверена: каждый из вас *(пауза. Нужно, чтобы все осознали важность личного обращения)* способен раскрыть детям какую-то новую область жизни, которая не покрывается школьной программой. Поэтому очень прошу вас подумать, чему бы вы хотели и могли научить детей. А то, что это будет продуктивно и интересно, никто не сомневается».

Возможно, последняя часть моей вдохновенной речи звучит излишне директивно. Мол, речь не о том, могут или не могут они чему-то учить. Речь лишь о том, чему они могут учить. Но мне как-то нужно было одновременно озвучить веру в «папские силы» и необходимость действовать.

Однако аудитория реагирует адекватно — некоторой задумчивостью. Никто не выражает откровенных протестов.

Тогда я перевожу дыхание и любезно предлагаю папам подать «заявки на творческие выступления».

Мамы попадают в щекотливое положение. Их таланты пока не берутся в расчет. Но, надеюсь, они понимают: мы вступили на путь борьбы с феминизацией общества. И эта борьба требует некоторых жертв. Пока (пока) мамам придется направить неиспользованную энергию на пап — на их агитацию и проработку, на помощь в поиске конструктивной идеи: кому, как не мамам, знать, какими скрытыми от педагогической общественности талантами обладают их мужья. А с момента собрания достойное папино выступление связано с престижем семьи.

Тактика оказалась верной. Через неделю мы составили план родительских пятниц и приступили к его осуществлению.

Получилось вот что.

* * *

Юлин папа — бывший морской офицер. А еще заядлый

турист. Он появился на классной сцене первым с набором толстых и тонких веревок. Занятие называлось «Вяжем узлы». Выяснилось, что без умения вязать узлы просто шагу нельзя ступить по матушке-земле — особенно если ты заядлый турист или морской офицер. И то и другое в устах Юлиного папы звучало невероятно привлекательно. Поэтому сначала все азартно и безуспешно пытались развязать узлы, которые папа развесил на спинках и ножках стульев. А потом столь же безуспешно пытались их завязать. В конце занятия дети получили домашнее задание — обязательно освоить это умение. Ну, и обдумать личные перспективы в связи с продемонстрированными узлами.

А я в очередной раз убедилась в своей женской ограниченности, потому что умею завязывать только два узла.

* * *

Вторым появился папа Стаса. Пришел не просто так, а в костюме электромонтера: на ногах неправдоподобно огромные резиновые сапоги, на руках — чудовищные резиновые перчатки. Уже производит впечатление. Занятие началось с построения гипотез: зачем это папа Стаса так нарядился? Поговорили об электротоке и его коварном «характере». Для пущей убедительности рассмотрели эмблему с черепом и молнией. Выяснили, что ни при каких обстоятельствах не следует совать в электрическую розетку пальцы и предметы и заглядывать в трансформаторную будку.

Если ток не раздражать, он будет добросовестно служить на благо людей. В доказательство папа Стаса прямо на глазах у детей собрал простейшую электрическую цепь. Все сказали: «Лампочка, гори!» — и лампочка радостно загорелась. Вот дело так дело! Я б в монтеры пошел, пусть меня научат.

А папа Стаса, кстати, никакой не монтер. Он инженер какой-то запредельной квалификации. Просто любит собирать электрические цепи.

* * *

На третьем занятии была журналистская игра. Называлась «Беру интервью у президента». Проводил ее папа Кирилла. Это мне вроде должно было быть близко. Но как журналист я специализируюсь совсем в другой области, и с президентом мне общаться не приходилось. Папа Кирилла принес в класс

множество микрофонов и диктофонов — и те, что имеют выдвигающиеся кронштейны, и микроскопические, почти невидимые. Оказалось, что сложность интервьюирования высокопоставленных лиц связана с барьером из представителей спецслужб. Они внимательно следят, чтобы журналист не нарушал дистанцию. Нарушит — получит. Причем весьма ощутимо.

Быстренько выбрав президента (оказалось, самая незавидная и малоинтересная роль), класс разделился на немногочисленную группу службы секьюрити (безопасности) и журналистов, жаждущих услышать о планах президента на ближайшее будущее. Журналисты вытягивали микрофоны, стараясь просунуть их за границу охраняемого круга, подбирались сбоку, сзади и даже ползком, теснимые своими собратьями по перу. Президент мучительно сочинял планы развития государства, а охранники бдительно следили за его безопасностью и время от времени требовали убрать микрофон или выпихивали незадачливого репортера из толпы.

Короче, о треволнениях журналистской профессии были получены самые исчерпывающие сведения. Думаю, в будущем это не отвратит детей от возможной журналистской карьеры.

* * *

Папу Нади я увидеть не ожидала. Он казался недосягаемым. Но выяснилось, что у него есть дивное хобби: он увлекается микроскопами.

Микроскопов было три, и к ним выстроились очереди из желающих разглядеть в деталях свои ногти и волосы. Для любителей препаратов растительного происхождения предлагалась кожица лука.

Я знаю про Левенгука. Читала немножко. Но никогда не думала, что из микроскопа можно сделать захватывающий аттракцион. Все потом делились переживаниями о своих ногтях. Я предложила сделать выводы о пользе личной гигиены. Надин папа не возражал. Идеи гигиенической науки ему очень даже близки.

* * *

Тема микробов неожиданно получила развернутое продолжение. Вслед за Надиным папой в класс пришел дедушка

Сани и Лени. Он химик по образованию, владелец небольшой фирмы по производству медицинских материалов. Поэтому вниманию детей были предложены предметы ухода за больными — абсолютно стерильные. Дедушка подробно объяснил, как можно изгнать зловредных микробов из бинтов и повязок и почему это так необходимо. На память о занятии каждый получил по пакетику с кровоостанавливающим порошком.

* * *

Забыть о стерильности мы не успели: пришел папа Алины. Это занятие трудно назвать уроком. Пусть даже «папиным». Не урок это был, а звездный час пропаганды медицинского труда. Папа Алины принес в класс настоящие хирургические инструменты — кучу ужасающих орудий, как на картинках к статьям про средневековую инквизицию. И все по очереди вдевали какую-то особую нитку в изогнутую невероятным образом хирургическую иголку, учились что-то зажимать карцангами и делать ватные тампоны. Затем Алинин папа на глазах у детей приготовил гипсовую смесь и продемонстрировал, как она накладывается. На Алине.

Все закричали: «И я хочу! И я хочу!» Гипса больше не оказалось. Зато бинтов — в достатке. В результате каждый обзавелся симпатичной повязкой на различных частях тела. Общий вид класса стал напоминать кадры из фильма про госпиталь времен Отечественной войны. Не успели все толком перевязаться, как прозвенел звонок. Детям было жалко расставаться с повязками, и они стали просить: «Можно нам так пойти на завтрак?» Я уступила — для закрепления педагогического эффекта.

Мы построились и вышли в школьный коридор: «Шел отряд по бережку…» На горизонте появилась школьная медсестра. Ее реакция была не вполне адекватной: она замерла на месте и побледнела.

Я объяснила, что у нас только что прошел урок по оказанию первой помощи пострадавшим.

Я помогала Алининому папе накладывать некоторые повязки и очень гордилась тем, что умею это делать. Зря у нас, что ли, в институте была военная кафедра?

* * *

Еще был урок Петиного папы.

Петин папа работает в банке. Казалось, что там может быть интересного, кроме грабителей? Оказывается, может. Петин папа принес в класс чудо-чемоданчик, который позволяет видеть деньги «насквозь», так что можно, понять фальшивые они или нет. Оказывается, деньги многослойные. Под особым лучом на них, как в волшебном кино, проступают диковинные картинки. Если, конечно, купюры подлинные. Весь урок мы этим и занимались — просвечивали деньги разными способами и разглядывали водяные знаки. Заодно узнали много любопытного о фальшивомонетчиках: что за люди, когда появились и почему их занятие не приветствуется государством.

Не знаю, как дети, а я теперь совершенно иначе буду прикасаться к деньгам…

* * *

Вот такая получилась энциклопедия жизни. Познавательно-зажигательная.

Тут, конечно, есть тонкий момент.

Те, чьи папы вели уроки, очень ими гордились.

Но бывает, что папы нет. Это обстоятельство нужно всегда держать в голове, иначе в энциклопедии обнаружатся вырванные листы. Поэтому отступление от принципов неизбежно. Дедушка — замечательный вариант. Старший брат — тоже. А если нет ни дедушки, ни брата, придется впустить в заповедный круг бабушку или маму. В конце концов им тоже есть что рассказать-показать.

Хотя педагогике очень нужны мужчины, занимаются ею по преимуществу женщины.

ПЕР

Я приехала в Швецию за уроком «свободного воспитания».

Мне сказали, что я ничего в этом не понимаю — ни в свободе, ни в демократии. Да и в воспитании тоже.

Вот увижу Пера и тогда, может быть, пойму.

Может быть. Что-нибудь.

А так я даже и человеком до конца не могу считаться.

В общем, в конце концов я оказалась в Швеции, в каком-то затерянном месте, где были лишь лес и камни. Такие огромные валуны с моховыми бородами. Они обнаруживались везде, в самых неожиданных местах. Вот идешь ты по лесу, и вдруг между соснами лежит такой камень — в напоминание, что люди — молокососы, хотя и воображают о себе невесть что.

Среди сосен и валунов стоит школьный поселок. Но если не знать, что это именно школьный поселок, ни за что не догадаешься, что здесь стоит. Деревянные бараки на фоне средневековых развалин. То ли остатки деревни после нашествия вражеских рыцарей, то ли свергнувшее феодала поселение свободных мастеров. А над всем этим подвешено огромное количество веревок — очень толстых и потоньше, на манер тарзанок. Такая паутина таинственного назначения. Воздушные пути.

Это не шутка. По веревкам в разных направлениях передвигаются дети. Конечно, они могут ходить и по земле. Но могут и по веревкам. Зависит от настроения. Мне сказали, учителя тоже так могут. В смысле, передвигаться по веревкам. Из барака в барак. Или в столовую. Вот сидишь ты, к примеру, на сосне и медитируешь. А тут время обеда подходит. Чтобы не было резкого перепада давления в образе мыслей, ты не спускаешься на дорожку, а хватаешься за ближайшую веревку и прыгаешь. На другую сосну. Или на крышу. А с этой крыши на крышу столовой, то есть до пункта назначения.

Крыши тут вполне обжиты. Карлсон отдыхает. Хотя он родился в Швеции. Может, у него были образцы для подражания?

Наша учебная группа приехала поздно вечером. Нас поселили в деревянном бараке. Мы сдвинули деревянные столы и разложили на них свои спальники. Вполне привычная походная ситуация. С претензией на удобства: спишь все-таки не на полу.

Позже выяснилось, что это никакой не барак. Это школьное здание. Просто построенное по принципу «природосообразности и естественности»: все-все-все деревянное, отопление дровяное, освещение свечное.

Но это к слову. Утром я проснулась от страшного грохота над головой. Выскакиваю на улицу и вижу: на нашей крыше толпятся дети всех размеров. И не просто так толпятся, а в очереди стоят. К стартовой линии. Как подойдет их очередь, они разбегаются и прыгают с крыши на крышу. Наша-то крыша плоская, а та, куда прыгают, двускатная: перепрыгнув, попадаешь на карниз. И надо как-то там ухватиться и вскарабкаться до конька. Что потом происходит, не видно. Возможно, потом они катятся по скату крыши, как с горки.

У меня прямо сердце зашлось. Ужас-то, ужас! Сейчас как начнут падать! Как начнут руки-ноги ломать.

Я (как продукт отечественного производства) бросилась за помощью: взрослые, где вы? Вмешайтесь!

И обнаружила взрослого, учителя семиклассников. Он стоял с другой стороны барака и подсаживал их. Подсаживал! Представляете? Я ему, заикаясь:

— А как насчет травматизма? Вдруг кто-нибудь упадет?

Он только плечами пожал:

— Почему он должен упасть? Он же не хочет упасть. Он же по правилам прыгает. Он знает, что я слежу. Все обговорено.

— И что же, у вас тут никто никогда руки себе не ломает?

А он так спокойно:

— А у вас? Ведь руку и на ровном месте сломать можно. Если ребенок двигаться не умеет.

Одного этого достаточно, чтобы в традиционных педагогических мозгах образовалась трещина. Но тарзанки и прыжки — это следствие. Производное от демократии.

Взять, к примеру, управление школой. У школы нет директора.

Зато у нее есть Пер (автор проекта), который придумал дровяное отопление и веревки, и вообще всю эту школу. Я спросила: «Кто же тогда Пер, если он не директор?» В ответ пожали плечами: «Кто? Ну, просто Пер». Обожаю такие ответы.

В Англии меня научили русской поговорке:

— Почему-почему? Потому что на «у»!

Хотя «Пер» не кончается на «у». И даже не начинается. Пер вообще не учитель в классическом смысле слова. У него нет педагогического образования. Но он не переживает. Он считает, что будущих педагогов учат неправильно и такое обучение только вредит делу.

Я, к примеру, наглядный образчик такого испорченного материала: зашоренность, закомплексованность.

Нулевое представление о детской свободе и саморазвитии. Непонимание элементарных вещей.

* * *

Когда-то Пер был инженером. А потом стал музыкантом и композитором. Пер может играть на всем, что попадется под руку, на всем, что может и не может звучать. Знаете, как он отбирает учителей? Единственный критерий — чтобы умели петь. То есть отбирает не он, а коллегия. И никому, конечно, не говорят: хотите у нас работать, спойте арию из оперы Верди. Говорят и спрашивают что-то другое. Но как-то так получается, что все учителя в придуманной Пером школе (где он не директор) поют. Хочешь — на два голоса, хочешь — на три, хочешь — вообще на все имеющиеся в музыкальной природе голоса. И, получается, это чуть ли не самое важное — чтобы учитель умел петь. Возможно, это не изначальное умение. Возможно, оно просто заразно, и если ты начинаешь работать в школе «по Перу», то волей-неволей запоешь.

Кроме поющих учителей, у школы есть еще одна замечательная особенность. Может быть, поважнее первой. Здесь ничему не учат.

То есть Пер, конечно, так не говорит. Он говорит: «Мы никого не насилуем знаниями. Мы не ломаем чужую волю. Мы воспитываем детей к свободе».

Пер говорит это по-английски, ведь я не говорю по-шведски. И никто из нашей группы по-шведски не говорит. Мы объясняемся по-английски. И я записываю то, что услышала: «Мы воспитываем детей к свободе». Я не знаю, как точнее перевести эту фразу, чтобы было литературно.

Ребенок, говорит Пер, должен испытывать интеллектуальный голод, чтобы есть с аппетитом те блюда, которые ему предлагают. Он имеет в виду «познавательную пищу». Только тогда она будет хорошо перевариваться. С толком. И ее питательные вещества будут куда-то там попадать, что способствует развитию чувства свободы. Это чувство, считает Пер, человеку дано лишь в зачатке. Как и все остальные чувства. Его надо развивать. За счет специальной системы воспитания. За счет вот этого самого принципа интеллектуального голода, за счет особого подхода к приготовлению интеллектуальной пищи и особых упражнений души.

Наверное, Пер мог стать интересным поваром. Но он стал педагогом и решил, что музыка — главное в обучении. И всю свою педагогическую систему построил на основе музыкальных ловушек. (Для этого и нужно, чтобы учителя в его школе умели петь.)

Каждый день начинается с общей спевки. Все педагоги и

дети, которые интеллектуально проголодались (то есть те, у которых есть добрая воля к познанию), собираются в концертном доме — в самом большом бараке, где нет столов, а есть деревянные сидения в форме амфитеатра и круглое пространство сцены. В самом устройстве сцены и зала чувствуется нечто шаманское.

Пер делает знак рукой, учителя начинают петь. На три голоса. Или каноном. Или еще как-нибудь. И это так красиво, так захватывающе, что ты не можешь пройти мимо. Даже если ты — подросток лет двенадцати, и с утра у тебя почти никогда нет никакого познавательного аппетита — ты в принципе не настроен на прием интеллектуальной пищи. Но ты — как древнегреческий мореплаватель, который не в состоянии миновать остров с сиренами. Тебя так и тянет заглянуть в этот самый концертный дом, где поют на три голоса учителя. Не для тебя — для себя, для своего удовольствия. На каком-то незнакомом тебе языке. Потому что поют не только по-шведски, но и по-английски, по-немецки. На латыни. О чем они поют-то? Ты должен войти, посмотреть. Ты бы послушал (интересно ведь, правда), но стыдно в этом признаться — пока еще стыдно. Ты ведь такой самостоятельный, самоценный. И сдались тебе эти взрослые. Но они, заразы, поют. Ты входишь и видишь: Пер дирижирует. А внизу, на сцене, стоит огроменный такой барабан. Невероятных размеров. Время от времени по нему большой колотушкой ударяет такой же, как ты. И барабан гудит густым низким басом, потрясая до глубины души. Этот барабан Пер привез из Африки. Совсем недавно. И в честь их приезда — Пера и барабана — тогда устроили праздник. Но ты не понимал, почему. Ты не знал: барабан станет главной приманкой в устроенной Пером ловушке. Ты пробуешь сделать вид, что все сразу понял про барабан и тебе нисколечко не интересно. Чтобы все это поняли, ты выходишь, громко хлопнув дверью: тебе, как и раньше, плевать на интеллектуальную пищу.

А никто и не заставляет.

Ты вышел, хлопнув дверью, а они продолжают петь. На разные голоса. И явно получают от этого удовольствие. А барабан гудит густым басом. И от этого мурашки по коже. И тянет туда, обратно, ну прямо как магнитом.

Ты чувствуешь — нужно вернуться. И возвращаешься — потихоньку, чтобы было не очень заметно, забираешься на галерку и начинаешь тихонечко подпевать, пробуешь встроиться в ту струю, что звучит низко: мужчина должен петь низко. Или наоборот, вдруг осмелишься взять очень высокий звук — верхнее ля. Потому что все другие поют низко, а ты можешь петь высоко — так же как Пер.

И вместе с этим ля ты взлетаешь. Не в натуре, конечно. А может, и в натуре. Никто ведь точно не знает, что именно в человеке способно взлететь. Без самолета, само по себе. И потом набираешься окаянства, подходишь к Перу и говоришь: хочу учиться играть. Вот на том африканском барабане. Может, ты даже скажешь, что хочешь выучить ноты. Как до этого ты попросил показать тебе буквы. Нужно было учить роль к сказке. Ее нужно было учить по листочкам с буквами. А ты не знал букв и попросил, чтобы тебе про них рассказали. И очень быстро выучил алфавит. За две недели стал читать. А до этого совсем не читал. До этого плевать тебе было на буквы.

Но если ты еще не хочешь учить ноты и не хочешь учить буквы, ты можешь заниматься другими делами — лепить или рисовать. Или лазить по веревкам. Ты можешь не лепить и не рисовать, хотя это почти невозможно. Пер говорит, это невозможно. Ребенок хочет дела. Он не может жить без дела. Просто он должен сам его выбирать. Но если вдруг он ничего не хочет, он будет лазить. От этого он никогда не откажется, потому что мечтает оторваться от земли. Все дети мечтают. Даже некоторые взрослые мечтают. Но не знают, как. Для этого и нужны веревки.

Раньше Пер был инженером, и про веревки он все понимает: как они должны висеть, чтобы описывать разные траектории — эллипсы, и окружности, и сумасшедшие восьмерки. Ведь это не просто веревки — это геометрия. С помощью геометрии выстраивается пространство. А пространство невероятно разнообразно, и в нем можно по-разному двигаться. Это самое важное, что должен усвоить ребенок. Чем больше способов передвижения, тем выше ощущение свободы. Ребенок может не знать формул и не уметь рассчитывать длину окружности в зависимости от ее радиуса. Но он все равно будет знать про окружность. Может быть, больше, чем тот, кто умеет считать. Он будет знать ее своим телом. И еще чем-то внутри себя, о чем Пер очень печется.

* * *

Ну скажите, как тут не попасться?

В эти ловушки из музыки и барабанов?

Я не про детей. Я про саму себя.

У меня временно наступило измененное состояние сознания. Иначе с чего бы я стала раздумывать, нельзя ли по возвращении в родную страну и родную школу развесить в классе веревки?

Приходит к тебе комиссия, а дети во время урока висят вниз головой и слегка покачиваются, упираясь одной ногой в потолок. А если у дамы из управления возникнут вопросы, ты с умным видом ей объяснишь: это новое слово в методике. Мы, знаете, чем сейчас заняты? Там вот, под потолком? Мы развиваем речь. Да, вы правы, ни слова не слышно. И мы всего лишь качаемся из стороны в сторону. Так мы паузы переживаем! Поскольку нет речи без пауз. Нет без молчания слова. К тому же под потолком у детей возникает совершенно новое ощущение акустики…

Но я лишь недолго могу пребывать в измененном состоянии сознания. Довольно быстро о себе дают знать «старые раны», то есть комплексы. Издержки педагогического образования, которое Пер видел в гробу. Педагогическое образование мешает мне взять и без оглядки подвесить всех под потолком. Я начинаю думать: а вдруг у того-то и у того-то повышенное внутричерепное давление? Ведь им тогда нельзя? А этот, с плохой координацией, ему ведь там покажется неуютно? Будет висеть и бояться, вместо того чтобы думать над смыслом жизни. А третий вообще решит, что он муха. И молчание — золото, кто же спорит? Но без слов не обойтись.

Вдобавок к комплексам у меня нет доверия к жизни. Это выяснилось по ходу дела. Пер изо всех сил старался относиться к нам терпимо, хотя мы в его глазах были учительским браком. Он желал нам добра — нам, бедным учителям перестроившейся России. Мы только-только пригубили свободы…

В общем, он желал нам добра и хотел помочь немного исправиться.

Мы слишком привыкли доверять своим глазам, сказал Пер. Мы доверяем тому, что видим. А глаза — не всегда хороший советчик. Нужно верить шестому чувству. Только шестое чувство дает полноценное ощущение свободы. Чтобы оно развивалось, надо ходить спиной вперед. Двигаясь так, ты уже не можешь полагаться на глаза: они уже не в состоянии обеспечить тебе безопасность. И тело учится жить по-новому, с большим доверием к жизни.

Можно сразу проверить, сколько в нас доверия к жизни. Прямо здесь, на занятии. Для этого надо влезть на стол, повернуться спиной к стоящим внизу, выпрямиться, насколько возможно, и упасть навзничь. А те, кто внизу, должны тебя поймать.

Так вот я, несмотря на слегка измененное за неделю сознание, не полезла на стол и не стала падать. Из чего следовало, что доверия к жизни у меня нет совсем.

Конечно, мне очень нравится Пер. Хотя я плохо пою. То есть

совсем не пою.

Когда-то в детстве я любила петь. Но мое пение услышал папа. У папы был абсолютный слух. Он даже играл в оркестре на балалайке. Хотя и был учителем русского языка. Папа услышал, как я пою, и сказал: «Закрой рот и не мучай мои перепонки!» Я, послушная девочка, закрыла рот. И больше никогда не пела. Ни при папе, ни без папы. Пер хотел изменить ситуацию, потому что учителя должны петь. Но я все время думала о том, что и у Пера абсолютный слух. И он мне так нравится, а я вдруг начну терзать его барабанные перепонки. Так что запеть у меня не получилось.

Но здесь, при проверке на доверие к жизни, Пер оказался неправ. На мой взгляд, он сплоховал с выбором теста. Не продумал сопутствующих факторов. Кого он поставил меня ловить? Людиного мужа? Если Люда вышла за этого типа замуж, то, наверное, просто обязана падать с любой высоты в его направлении и рассчитывать, что он ее поймает. Он же не хочет жить с женой-инвалидом? Но при чем тут я? Мне Людин муж ничем не обязан. К тому же мы с Людой как-то неправильно конкурируем в этой поездке. Мало ли что в связи с этим придет в голову ее мужу?

А другой? Мне пришлось довольно резко дать ему понять, что командировочные романы — в частности, с ним — не входят в программу моего пребывания в Швеции. И теперь он будет меня ловить? А я буду испытывать доверие к жизни? Даже у таких гениальных музыкантов, у таких придумщиков школ, как Пер, бывают проколы. Например, по части оценки эротической составляющей жизни. Или мотивов, толкающих нас на демонстрацию своих возможностей.

А зачем мне лезть на тарзанку, скажите на милость? Это была какая-то особая тарзанка, развивающая чувство касательной. И Перовские школьники довольно лихо вычерчивали касательную в воздухе. Но для всех вновь прибывших взрослых «полет» заканчивался одинаково: они что-то неправильно рассчитывали — силу толчка или время торможения — и их самым беспощадным образом проволакивало по земле метров пять-шесть.

Ну, зачем мне нужно было именно в тот момент обдирать колени? Там же не было моих детей!

Ведь как работает механизм сосуществования с детьми? Ты едешь на лыжах, бежишь по хорошей, накатанной лыжне. Ты любишь бегать по накатанной лыжне, и потому бежишь быстро. А они — за тобой. Они еще не умеют так быстро, но они видят, что ты — впереди. И тоже бегут. А тут вдруг овраг. Неожиданный, непредсказуемый. Его не должно было быть, а ты не любишь

кататься с горок. Ты часто падаешь, а это не очень приятно. Но дети бегут за тобой, и надо съезжать в овраг. Тогда ты делаешь вид, что всю жизнь только и делала, что съезжала в овраги. Съехать в овраг — это тебе раз плюнуть. Ты говоришь: нужно слегка наклониться вперед и немного согнуть колени, будто бы сел на стул. И зажать палки подмышками. И смотреть вперед. Тогда будет легко. После этого ты приседаешь так, чтобы чувствовать этот воображаемый стул, зажимаешь палки, как требуется, и съезжаешь — уверенно и спокойно. Будто это и правда раз плюнуть. И не падаешь — потому что нельзя. А потом кричишь снизу: «Давай!» И они съезжают за тобой. Кто-то, конечно, падает. Но это неважно. Ты говоришь: давайте тренироваться. Давайте штурмовать этот проклятый овраг, чтобы больше никогда его не бояться. Чтобы он не был для нас препятствием. И снова съезжаешь. И так до тех пор, пока не научишься кататься с горки. Под благовидным предлогом, что учишь кататься детей.

Если б здесь были мои дети, я бы на эту тарзанку, конечно, полезла.

А так перед кем мне было выпендриваться? Перед Людиным мужем? Или перед другим типом? Пера я своей отвагой вряд ли проняла бы. Для него это проза жизни. Короче говоря, мне не хватило стимулов.

Но я все это запомню — про пение и про тарзанки. И про шестое чувство.

* * *

В школу Пера ходят разные дети. Говорят, он собирает со всей округи детей наркоманов и проституток. Еще здесь учатся дети эмигрантов и матерей-одиночек.

И дети родителей, сдвинутых на идее свободы; эти платят полную стоимость. Школа-то частная. Существует за счет родительской платы и спонсоров.

И все эти дети, как оказалось, не прочь примериться к роли Ромео или Джульетты. Иными словами, они играют Шекспира. На импровизированной сцене. В тех самых развалинах, напоминающих рыцарский замок, которые своей экзотичностью поражают воображение случайного прохожего.

Развалины появились вопреки организационным расчетам Пера.

Сначала Пер считал, что воспитать к свободе можно исключительно при печном отоплении и свечном освещении.

Наверное, для того имеются столь же глубокие основания, как и в системе подвешивания веревок, — близость к природе и все такое. Мол, быт учит сам по себе, и нет лучшего учителя для ребенка, чем живое дерево, представленное стенами барака. Но потом Пер все-таки решил уступить прогрессу и допустить на территорию школы каменные постройки с электрическим освещением — для разнообразия и расширения образовательных возможностей. За счет эффекта контраста (это предположение). А может быть, камень, особенно необработанный, тоже отвечает каким-нибудь органическим потребностям детей и не будет сильно выбиваться из окружающего пейзажа на фоне валунов ледникового периода.

В результате решили построить замок на манер средневекового. Нехилое такое решение для маленькой сельской школы без государственных дотаций. И, что удивительно, почти построили, но в процессе строительства замок взял и сгорел. Кто-то что-то не так включил или выключил (издержки привычки к свечам). Случилось замыкание и возник пожар. У наркоманов и проституток, и тем более у любителей свободы не так много денег, чтобы платить за строительство замков после каждого пожара. Поэтому восстанавливали замок очень медленно. Но то, что осталось, использовали — для спектаклей. Вот там я и смотрела «Ромео и Джульетту». В каждой сцене — новый Ромео и новая Джульетта. Потому что многим хочется попробовать «как они». И хочется выпустить наружу то, что бьется внутри.

Это мне очень понятно. Несмотря на мои комплексы и недоверие к жизни. И объяснение звучит убедительнее, чем про интеллектуальный голод: голод по эстетической форме чувств, жажда красивых переживаний. Потому что пока носишь все внутри — всю эту сумасшедшую подростковую сексуальность, эту тоску по телесной близости, которая как-то непонятно связана с душой, а тебе еще ничего нельзя, — это кажется дрянью, чем-то запредельным и непристойным. Но дрянь эта крайне необходима. Как воздух. Никуда тебе от нее не деться. И ты готов на подвиг, ты готов играть со смертью, чтобы эта дрянь перестала быть дрянью, а все бы сказали: ого! Как высоко он подпрыгнул! Пожалуй, можно разрешить ему с кем-нибудь трахнуться! На законных основаниях. Как Ромео и Джульетте. Ну, может быть, не прямо сейчас, а чуть попозже. Немного попозже — можно.

Я все время про это думаю. Про то, как одиноки дети в своих невысказанных чувствах. Особенно в любви. Будто их оторвало от земли, а посадочная площадка не предусмотрена. Потому что нет законных оснований.

Пер говорит, надо найти основания. Надо говорить с ними

обо всем самом важном на понятном им языке. Пер учит нас этому языку — специальным играм «жизни и смерти». Это всего лишь жмурки. Такие хитрые жмурки, со свечками и ножами.

Двое с завязанными глазами ходят внутри круга под бой барабанов (без барабанов — ну никуда. Священная архаика!). Они не просто ходят. Они должны найти друг друга. У каждого в руке нож. С обнаженным, остро наточенным лезвием. И ты не просто ищешь партнера. Ты должен коснуться острием ножа его груди. Пер говорит: для пущей убедительности мальчиков нужно обнажать до пояса. Это игра. Но если не рассчитать, можно порезать другого. Нанести ему рану.

И с огнем то же самое. Ты осторожно несешь свечу — так, чтобы не потухло пламя. Ты должен передать ее другому, прямо в открытую навстречу тебе ладонь. Одно неловкое движение — и обожжешь ему пальцы. Ты ведь не хочешь этого? Поэтому нельзя торопиться. Нельзя делать резких движений. Вообще случайных движений. И надо напрягать шестое чувство, изо всех сил напрягать шестое чувство. Ведь у тебя завязаны глаза, и в обычном смысле ты слеп. Как прорицатели и великие певцы древности. Надо смотреть внутрь себя. Это помогает сдерживать внешние импульсы. Это учит управлять собой.

А еще есть театр. Выдуманная жизнь, но почти как настоящая. И тут все можно. И совершать подвиг, и любить. Вроде бы понарошку и будто бы на самом деле. А главное — даже если ты, то есть твой герой, во время спектакля умер (или во время большой игры), ты потом, за рамками спектакля, дашь ему, герою, эту пресловутую эстетическую оценку: он ведь подвиг совершил! А вместе с ним — и какая-то важная часть тебя. И ты будто бы знаешь про себя, на что способен. Что можешь «подпрыгнуть», если потребуется.

Это очень много значит. Очень.

Ты будешь жить с этим героическим внутри, как будто это твой капитал, как будто это гарантия твоего человеческого качества — даже если жизнь вокруг будет нормальная и подвигов не потребуется…

Все. Пора возвращаться. Еду в Москву. Вдруг, пока я тут свободе учусь, мои уже в подростков начали превращаться?

ШКОЛЬНЫЙ ДЕТЕКТИВ, ИЛИ ВАРИАЦИИ НА ТЕМУ «ДОЖИВЕМ ДО ПОНЕДЕЛЬНИКА!»

Пятница. Вечер

Стирка, уборка, готовка — мягкое погружение в домашнюю бытовуху. Иногда успокаивает нервы — все-таки перемена деятельности. И вдруг этот телефонный звонок.

— Извините за беспокойство, но к кому же мне обратиться? Пропал кошелек. Деньги не бог весть какие… Хотя тоже жалко. А вот паспорт… Может, паспорт отдадут? Вы уж повлияйте как-нибудь… Зачем им паспорт?

Погружение сорвано. Мягкие объятия быта мгновенно распадаются. Какой еще кошелек? Ничего не понимаю…

— Мой кошелек. Наверное, из ваших ребят кто-нибудь… Простите, из наших…

— Не может быть! Чтобы мои — стащили?

Да я же их так учу! А уж как воспитываю! Да у меня, у нас — таких хороших, вдохновенных и творческих — ничего подобного просто не может случиться! Да этого просто не может быть. Не может быть никогда!

— Помогите, пожалуйста…

Вдох-выдох… Ну да, хорошие… А драки бывают, и оскорбления, и разборки. Да, среди всех наших спектаклей и разговоров. И взять без спроса что-нибудь могут… Это, правда, было давно, еще в детском саду. Егор утащил домой чужую машинку. Сначала одну, потом другую. Я оценила ситуацию как «возрастную». Мы с Егоркиными родителями обсудили происшествие и поставили мальчишке условие: хочешь что-нибудь взять домой — спроси разрешения. Мы вместе подумаем и решим, можно это или нельзя. Если можно, на какое время ты заберешь машинку.

Тогда сработало. К тому же речь шла об игрушках. А это настоящая кража. Чужой кошелек. Учительский!

Сколько раз я слышала эту историю: пока учительница выгораживала на педсовете очередного оболтуса, у нее из сумки вытащили кошелек с зарплатой. И вот она сидит в пустом классе и плачет. А в рыданиях — такое типичное для школьной жизни: «Для вас же, сволочи!»

В. М. — наш учитель музыки. Добрый беззащитный человек, кормит двух больных женщин. Обед приносит с собою в баночках:

рис и морковка. То ли суровая диета, то ли бедность непроходимая.

— Неприятность-то главная в чем? Паспорт там был, понимаете? Может, хоть паспорт вернут? За вознаграждение. Восстанавливать — это, знаете, морока какая… А деньги… Да бог с ними, с деньгами-то…

И я обещаю, обещаю содействовать розыску, повесить объявление, поставить в известность школьного охранника, опросить свидетелей…

В понедельник. Все, что от меня зависит, сделаю в понедельник. Ах, это классическое «Доживем до понедельника»!

Суббота

Снова звонок. На этот раз от одной из мам.

— Вы знаете, Марина Семеновна, моя Алина очень взволнована. Они с Наташей обратили внимание на то, что Леля что-то уж очень странно вела себя в буфете: всех угощала пирожными и предлагала купить, кто чего хочет. А ведь раньше деньги у нее как будто не водились. (Да вы и сами все про их семью знаете.) Раньше она сама всех просила: купи мне да купи. Девочки стали ее спрашивать, что это она вдруг разбогатела. Она им сначала сказала, что деньги ей подарили. А потом сказала, что кошелек нашла. И показала им кошелек. А девочки говорят, что это кошелек учителя музыки вашего. Леля-то отпиралась, говорила, не знает, чей кошелек. Да они видели — в кошельке паспорт лежит.

Пришли домой — и давай друг к другу бегать, все обсуждать. И так возмущались, так возмущались. Говорят, у В. М. и так денег мало — это все знают. Вот и попросили меня позвонить. Хотя и боялись чего-то. Может, что на них подумают? Но не промолчали. Так что вы уж сделайте что-нибудь…

— Сделаю, сделаю. Спасибо большое.

Значит, все-таки мои… Леля. Папа Лели на инвалидности. Зарабатывает на жизнь мать. Оба — активные участники классной жизни: спектаклей, походов. Неприятно их расстраивать. Надо как-то тактично сказать…

Одна радость, что деньги нашлись так легко. И паспорт этот многострадальный. Если, конечно, его не выбросили для конспирации.

Звоню Лелиной маме.

— Ольга Владимировна! У нас произошел очень неприятный случай. У В. М. пропал кошелек. Говорят, его видели у Лели. Поговорите с дочкой, только осторожно и без лишней нервозности. Не думаю, что вам стоит делать из ситуации далеко

идущие выводы. Единичные случаи детского воровства — это, в общем-то, явление в пределах нормы. Если отреагировать быстро и правильно, то пройдет и забудется. Главное, чтобы кошелек вернулся к хозяину. Я не думаю, что в Лелином случае стоит выносить происшествие на общественное обсуждение. Полагаю, вы сами прекрасно с этим разберетесь.

Лелина мама встревожена, но демонстрирует полное понимание. Вот и ладно…

Воскресенье

Лелина мама перезвонила.

— Кошелек нашли. Паспорт на месте. Истраченные деньги возместили. Завтра все вернется к В. М., не беспокойтесь.

Хорошие люди — Лелины родители. Значит, и правда доживаем до понедельника.

Понедельник

В понедельник В. М. забежал сообщить мне, что все утряслось. Радости особой он при этом не испытывал: три года учил Лелю на скрипочке играть — и вот тебе результат воздействия святого искусства! Я попыталась сказать ему какие-то слова — мол, бывает, не надо абсолютизировать. Но, видно, он переживал не столько потерю денег, сколько унижение. Надеюсь, это как-нибудь заживет.

А в общем понедельник нормально прошел. Как обычный понедельник…

На выходе из школы меня поджидает Лелин папа, говорит медленно и членораздельно:

— Мы вернули кошелек, (нажим на слове «вернули»), но мне бы хотелось посмотреть в лицо родителям этой девочки — Наташи, которая так ловко «провела» расследование!

— Что такое? В чем дело? — я уже расслабилась и не сразу понимаю, о чем речь.

— Вы думаете, кошелек стащила Леля? Вовсе нет! Она мне все рассказала! Это Наташа его стащила. А Леле на хранение отдала, чтобы следы замести! И еще все шутила: давайте паспорт выкинем, чтобы никто ни о чем не догадался!

Господи Боже мой! Наташка? Вот ведь противная девчонка! Недаром у меня в последнее время с ней столько неприятностей: опаздывает, домашнее задание не сделает — и врет! Но это не для Лелиного папы. Для Лелиного папы вопрос:

— А Леля-то, Леля зачем взяла кошелек?

— Как зачем? Вы же знаете: у нее с ребятами сложные отношения. Ей хочется, чтобы девочки с ней дружили. А это —

такое доверие! Общая тайна! И они ведь, девчонки эти — Наташка и другая какая-то — еще ей говорили: «Ты возьми и подержи у себя, пока нам деньги не понадобятся! А мы с тобой дружить будем, секреты всякие рассказывать». Так вот, я хочу в лицо этим родителям посмотреть, папе этой Наташи… Это как же они дочь воспитывают, что она готова другого заложить?

В лицо своему папе Наташка, может, тоже хочет посмотреть, но ей — как и вам, дорогой — это в ближайшем будущем не удастся (я отчего-то сильно раздражаюсь), потому как этот папа от ее мамы три месяца назад ушел. И вот Наташка дома плачет, не учится, плохо спит, а потом опаздывает и обманывает, что кот тетрадки описал.

— Не думаю, что сейчас нужно устраивать очные ставки между родителями. Завтра я поговорю с обеими девочками.

И кто это придумал, что нужно дожить только до понедельника?

Вторник

И как я только дотерпела до конца урока? Давно не испытывала такой злости.

— Прошу всех погулять в коридоре. Леля и Наташа! Мне надо с вами поговорить.

Сели. Они рядом. Я напротив.

— Я вас слушаю!

Технике допросов меня не учили. Но, наверное, это делается именно так: наехать, навалиться всем своим существом, эдак сверху вниз, смотреть неотвратимо, пронзительно…

— А что, что вы слушаете?

Это Наташка.

— Слушаю историю о том, как Наташа отдала на хранение Леле чужой кошелек.

— Я так и знала! Я так и знала!

И сразу в слезы. Это ее обычная реакция в последнее время.

— Что ты знала?

— Что вы не поверите! Не надо было мне ничего говорить! Но В. М. было жалко! У него и так денег нет!

Это все — сквозь ужасные рыдания. Значит, не Наташка?

— Леля?!

Пауза.

— Я тебя слушаю.

— Я не брала… (Наташка начинает рыдать еще сильнее.)

— Леля?!

— Я взяла кошелек. Когда не было никого в классе, вошла и взяла.

— Какого же черта ты наплела своему отцу всю эту гадкую чушь?

Обнимаю рыдающую Наташу, глажу ее по голове: бедное, бедное существо. Сколько же она должна была пережить за эти дни! Она «знала, что я ей не поверю»? Вот ужас-то. И надо сдерживаться, чтобы не разорвать на клочки эту глупую… нет — эту жуткую Лельку! Это надо же — придумать такую изощренную версию получения кошелька! Вот уж кому не откажешь в развитии воображения…

— Я считала, что можно не рассказывать ребятам о кошельке. Я думала, ты, мама и папа поговорите о случившемся дома, и этого будет достаточно, чтобы ты никогда больше так не делала. Но эта ситуация с Наташей… Это хуже, чем сама кража. Это предательство. Понимаешь? Предательство! Взять и подставить другого человека! Какая гнусность!

Я уже не могу выключиться. Я похожа на чайник со свистком. Как плохо, что у человека нет крышечки, которую можно отвинтить и выпустить пар!

Звонок. Заходят дети. Любопытство сменяется напряженным ожиданием.

— Пожалуйста, сядьте на ковер.

Все важные разговоры происходят у нас на ковре. Там и много хорошего происходит. А иногда — вот такое. Тут просто необходимо, чтобы все сидели в кругу на полу. И я тоже, на уровне всех остальных. Это род народного вече.

— У нас в классе произошло неприятное событие. Сначала я не хотела никому ничего рассказывать. Мне казалось, так будет лучше. Но обстоятельства изменились, и нужно чтобы вы знали: у нас в классе произошла кража…

Дальше я излагаю сюжет с подробностями. Наташа закрыла лицо руками. А Леля улыбается. Такой легонькой улыбкой висельника. Она сидит прямо напротив меня. Совпадение? И я теряю логику. Перестаю соображать. Начинаю нести откровенную чушь:

мы все виноваты в краже,

потому что с Лелей никто не хочет стоять в паре,

потому что мы все безобразно учимся (почему, собственно, «мы»?),

потому что в мире много обездоленных людей,

потому что мы не привыкли никого беречь,

потому что наши родители — у них есть свои, взрослые переживания и болезни,

потому что я не могу работать в классе, где можно ради выгоды заложить другого человека, предать за наклейку, за

сладости к завтраку…

Я вообще уже больше ничего не могу.

Читать не могу, объяснять не могу, смотреть вокруг не могу. Я тоже живой человек, и что же мне, говорить с ними про прекрасное, доброе, вечное, если кругом такое дерьмо…

* * *

— Ты так и сказала — «дерьмо»? — интересуется сын, когда вечером за ужином я пытаюсь пересказать свой монолог.

— Не уверена. Может, и нет. Надеюсь, что нет. Есть синонимы…

— Попробуй подобрать, — ласково советует другой.

— А вообще-то тебя надо уволить, — подытоживает муж. — Не за «дерьмо», а за отсутствие педагогической выдержки и такта. Ты подумала, как эта девочка — эта Леля — сможет завтра прийти в школу? Каково ей будет жить в твоем классе?

— Но я же не могла по-другому… Что я должна была сделать? Мне казалось, я смягчила, насколько возможно… Господи, какой ужас! Я попробую исправить ситуацию.

— Сомневаюсь, что получится.

Я тоже сомневаюсь… Завтра среда.

Среда

Милый диктофон, диктофончик мой! Техническая палочка-выручалочка! На тебя вся надежда.

А ведь сегодня я опять никого ничему не смогу учить. Через два дня контрольная работа. Наверное, меня и правда надо уволить. А вот и Лелина мама. Ждет меня у школьных ворот. Начинается…

— Марина Семеновна! Я все знаю. Леля рассказала. Мы, конечно, потрясены. Мы очень вас ценим, но Леле, наверное, лучше перейти в другую школу. Вряд ли ребята теперь захотят с ней общаться…

— Не надо торопиться с выводами. Поживем — увидим. Главное, чтобы вы правильно все пережили и осмыслили.

Надо же, я еще могу изображать рассудительность! Бедная Лелина мама. Представляю себя на ее месте… Вхожу в класс.

— Давайте вернемся ко вчерашним событиям. Наверное, каждый из вас об этом думал. Возможно, вы обсуждали что-то со своими домашними. Мне очень важно, чтобы вы высказались. Попробуйте выразить свои ощущения. Только честно. Вы помните: все важные высказывания записываются на пленку. Это архив

наших мыслей и переживаний.

Кто первый?

Вот первый:

— Я не понимаю, как можно взять чужое. Взрослых за это сажают в тюрьму. Леле должно быть стыдно.

Звучит прямо, честно, но уж очень правильно. Леле, конечно же, стыдно.

Следующий:

— Я согласна с Петей: воровать стыдно. Но нам всем надо поскорее забыть об этом. Мне кажется, Леля и так наказана. Ей достаточно. Я думаю, она все перечувствовала.

И дальше — как прорыв плотины:

— Очень неприятно, когда на другого наговаривают. Нехорошо. Но со всеми бывает. Надо простить Лелю. Я уверена, она больше никогда так не будет.

— Воровать плохо. Есть еще много плохого. Не давать друг другу руку — тоже плохо. Тот, кто без пары остался, — ему же обидно очень. Оставить человека одиноким — это ж толкнуть его на что-то плохое. Леля плохо сделала. Но она больше так не будет. Не будет никогда. Я уверена.

— Мы в буфете часто вкусности покупаем, потому что нам деньги дают. Но не всем дают. Леле, например, не дают. А некоторые смеются. Выходит, они тоже виноваты в этом — в том, что кошелек стащили. Воровать очень плохо. Но Леля больше не будет.

— Я тоже думаю, что не будет (это Наташа). У В. М. ведь тоже мало денег. Нужно просто поставить себя на место другого человека. Тогда не сделаешь много чего плохого. А Леля не будет больше. И мы будем с ней дружить, потому что мы себя тоже на ее место поставить можем.

Леля больше не улыбается. Она вот-вот заплачет (я, впрочем, тоже). Значит, живем дальше? Кризис миновал? Пожалуй, я даже смогу почитать им сегодня что-нибудь «доброе и прекрасное».

— Я рада, что каждый из вас высказал свое личное мнение. Спасибо. Признаюсь, вчера мне было очень плохо от всего, что произошло, будто я сама что-то своровала или кого-то оговорила. Я не могла смотреть на Лелю — из-за Наташи. Но я ругала себя за это чувство. Я знаю, что Леля ко всем нам очень привязана, и она не хочет поступать плохо. Я тоже хочу, чтоб мы больше не вспоминали об этом. Мы все получили урок. В этом я с вами согласна.

Теперь надо улучить момент и обнять эту поганку Лельку: она очень в этом нуждается. Впрочем, я, кажется, не одинока в

своих намерениях, и сегодня Леле достанется в буфете много вкусностей. Будто она именинница. Похоже, она и впрямь заново родилась…

* * *

— Знаете, я решила пока не увольняться, — сообщаю я за ужином своей семье (явно разочарованной этим известием). — Я лишний раз убедилась, что у меня в классе учатся *люди*.

— *Люди?* Прямо уж — *люди?* И как же ты это вдруг определила?

— Мне кажется, я сформулировала критерии измерения человечности.

— И…

— Люди — это отдельные представители вида homo sapiens, у которых ослаблено желание съесть живьем такого же, как они, по моральным соображениям.

— Это и есть те принципы гуманизма, которым ты обучаешь детей? Может, тебе все же нужно уволиться, пока не поздно?

Ну уж нет! Извините. А кто будет отвечать за результаты контрольной по математике?

ТАНАИС С ЧЕСНОКОМ, ИЛИ ФЕНОМЕН РЭЯ БРЭДБЕРИ

Думаете, речь пойдет о каком-то не известном вам блюде? Ошибаетесь.

«Танаис» — название заповедника.

То есть сначала это было имя одного человека из времен древних греков, которого угораздило влюбиться в собственную мать. В этом он не был оригинален. С древними греками такое то и дело случалось. К тому же в данном случае вина целиком лежала на матери Танаиса — предводительнице амазонок: она не сошлась с Афродитой во взглядах на мужчин. Это, естественно, не облегчило участи бедного мальчика: он бросился в реку и утонул. В результате река получила красивое имя.

А потом, через тысячи лет, Танаисом назвали заповедник в ростовских степях, где, как утверждают, все это и произошло. И еще много другого. Тени греков, скифов и амазонок до сих пор витают здесь над раскопами и курганом.

А Чеснок — фамилия.

Настоящая. Не псевдоним. Чеснок Валерий Федорович — главный человек в заповеднике, хранитель танаисских камней (каждый из которых может оказаться сокровищем), каких-то наиважнейших ям, где эти камни находят, а еще покровитель местных кошек, художников и собак, которые тоже считают себя заповедными: где хотят, там и ходят, что хотят, то и делают. Ну, и едят. В семидесятых Танаис так и воспринимался — как большая южная «кухня»: люди приезжали сюда есть (пить), петь, рисовать, разговаривать, думать. Кошек, собак, художников и некоторых поэтов в Танаисе кормят бесплатно, поскольку, утверждает Чеснок, они приносят пользу культуре. И вроде бы это видно невооруженным глазом — если, конечно, знать, на что и куда смотреть.

Культура живет здесь так же, как художники и собаки: что хочет, то и делает. Иногда она, правда, собирается гибнуть. Но Чеснок ей не верит. Говорит, для культуры это естественное состояние. Есть в ней женская хитрость: на все идет, чтобы только заставить себя спасать.

В общем, все это мне ужасно нравится — и Чеснок, и культура, и амфоры, и огромный пифос прямо напротив домика администрации, и зловещие тени амазонок в степи, и таинственные курганы. Даже палящее солнце и подгоревшая каша.

Одного только мне не хватает: моих школьных детей. И я все время завидую. Я умираю от зависти, когда в Танаисе появляются дети, и Чеснок водит их по музею.

Очень странно он это делает. Каждый нормальный музейщик мечтает об идеальном ребенке. Идеальный ребенок разговаривает очень тихо. Не разговаривает, а шепчет одними губами. И хорошо, если бы у него не было рук. В будущем это непременно станет культурной нормой — детки, лишенные отвратительных ручек, которые все хватают. В будущем руки выдавать станут только взрослым. А дети пусть смотрят глазами и шепчут, чтобы — упаси Господи! — не нанести культуре урона.

А Чеснок ни о чем таком не мечтает. Вообще об этом не думает. Этот самоубийца сам — сам! — ведет детей (вместе с их руками) к пифосу и говорит: «Кто хочет в бочку залезть? Посидеть там, как Диоген?» Представляете?

И я прямо вижу, вижу, как мои могли бы примериться к этой бочке (а потом мы бы вместе отправились с фонарем на поиски человека).

И освоить «язык амфор» мои могли бы (уж получше бы тех освоили, кто приходит сюда, когда вздумается, и не отдает себе отчета в собственном счастье). Для этого только и надо, что время от времени прикладывать ухо к горлышку сосуда. Тогда непременно услышишь что-то на древнегреческом. Ну а поймешь или нет, это от разных причин зависит.

Мои бы поняли! Обязательно!

И пусть бы их подвели к зернотерке античных времен. Пусть бы они попытались сдвинуть с места тяжелые каменные жернова: вот он, хлебушек, как получался! Вот откуда мучица бралась.

А еще тут есть мастерская по реконструкции. Костюмы, сшитые по всем правилам древнего искусства. Целая коллекция действующих арбалетов. И устраиваются стрельбы.

Чеснок говорит, что смотреть на стреляющих девушек — особое удовольствие. Они как возьмут арбалет, на глазах становятся стройнее и выше. Легенды об амазонках тут же приобретают плоть. А мужская часть посетителей в звуках летящей стрелы отчетливо слышит пронзительное «фемениз-з-зм»…

Нет, я точно умру, если не привезу в Танаис детей.

Иначе зачем я все это увидела?

* * *

«Дорогой Валерий Федорович!

Кажется, мы едем.

В реальность происходящего пока трудно поверить. Нас 44 человека: москвичи, мурманчане и барнаульцы — дети разных возрастов и педагоги.

Мой муж совершенно забодал меня вопросом, зачем мне все это надо — все это напряжение и головные боли. И я как всегда не смогла найти сколько-нибудь убедительных аргументов в пользу этой поездки с точки зрения интересов семьи. Поэтому я пытаюсь привлечь на помощь всякие доводы в пользу развития мировой педагогики.

Вы же не станете отрицать: что-то в этом есть мировое. Хотя бы потому, что мне удалось раздобыть деньги на эту авантюру. А сколько разных людей включилось в проект! Мне кажется, так бывает только в том случае, если идея правильная, если ты сумел оседлать какую-нибудь судьбоносную волну.

В официальных бумагах это называется культурологической экспедицией междугороднего разновозрастного отряда. Я не очень упирала на то, что главная цель экспедиции — предоставить всем этим детям возможность вволю поиграть в танаисских степях…»

* * *

Отступление от темы:

— Привет! Как дела? Как малыш?

— Все ничего. Только Петенька… Ты же знаешь, он такой одаренный мальчик. С четырех лет читает. И английский, и на компьютере. Только вот…

Я догадываюсь, какое слово трудно произнести: «писается».

Тяжелый вздох в трубку.

— Мы сделали, как ты советовала. Пошли к психотерапевту. А он нам предложил песочную терапию. Я тоже в этом участвую: замки всякие строим, наряжаемся.

Я прямо в детство попала. Такое удовольствие! (Снова вздох.) Только дороговато. Занятие — полторы тысячи. Но ведь это здоровье ребенка.

Я для себя решаю, что возьму этого Петеньку в Танаис. Этого недоигравшего Петеньку, который с четырех лет читает. Не то чтоб я так верила в магию Танаиса, но противопоставить энурезу можно только выпущенную на свободу потребность играть. Только кажется, что ею можно пренебрегать. (Вообще пренебрежение чем бы то ни было иногда очень больно аукается: взять хотя бы Лисиппу и ее «разборки» с Афродитой.)

Потребность играть, «превращаться» все равно пробьется наружу — в какое-нибудь неподходящее время. Когда ее и не ждали.

Возьмите толкиенистские сборища. Пятнадцатилетние гномы, шестнадцатилетние эльфы, разновозрастные толпы орков. В плащах, со щитами, мечами. Опыт игры для них — величайшая ценность, игровое состояние — величайшее наслаждение.

А «деловые игры», которые сейчас вошли в моду? А психологические тренинги — новая модная форма досуга для среднего класса? Это все симптоматика «нового времени». С одной стороны, форсируем обучение, учим читать в горшечном возрасте, пудрим мозги «развивающими» занятиями раньше, чем малыш научился ходить. В общем, страшно торопимся сделать ребеночка умным. С другой стороны, играем в песок за 150 долларов в час.

Скоро мы начнем относиться к игре так же, как к натуральным продуктам: то, что «естественно», очень редко встречается и потому стоит дорого. Умение играть станет видом искусства. От студентов педвузов в качестве экзамена будут требовать устроить игру. В школе ролевая игра получит статус обязательного предмета. И учителя на родительских собраниях станут выговаривать родителям:

«О чем вы думаете? Чем занимаетесь дома с ребенком? Ваша дочь до сих пор не освоила роль Царевны-лягушки. Так до свадьбы и не научится превращаться…»

В общем, отношение к ролевым играм будет такое же, как к Олимпийским.

И мы с детьми просто чуть-чуть опережаем время.

Мы едем в Танаис!

* * *

«Попробую сформулировать цель нашей поездки и представить все в виде плана. (Звучит, согласитесь?)

Центральным событием нашего пребывания в Танаисе должна стать ролевая игра, в которой все кем-то себя представляют, куда-то бегут, что-то добывают, в чем-то состязаются, переживают страх, ужас, восторг и чувство братского единения.

Над всем этим должен, конечно, витать дух просвещения — хотя бы слабенький. Иначе не оправдать претензию на «мировое» значение поездки. И здесь я очень рассчитываю на вашу помощь.

Но и структура игры пока вырисовывается с трудом. Очень много разнородных задач.

Мои дети (мои третьеклассники)

К этой поездке мы шли целый год. Она, кроме всего прочего, имеет для нас значение инициации. В четвертом классе нас ожидает новый предмет — история. Я вбила себе в голову, что мои дети должны «войти в историю» через ворота Танаиса.

Мы знаем об археологии столько, сколько это возможно для третьеклассников. Мы имеем какие-то представления о музеях: зачем они нужны, зачем изучают старинные предметы. Мы весь год готовились к открытию собственного музея народной культуры: 25 мая дети проведут здесь свои самостоятельные экскурсии.

Но слово «античность» — новое в их словаре. В Танаисе они должны лицом к лицу встретиться с античностью. Пусть она предстанет перед ними как живой образ.

В общем, мне очень хочется, чтобы они пережили игру по мотивам исторических событий Танаиса. Конечно, я немного побаиваюсь «древних греков» в самодельных костюмах, на скорую руку свернутых из простыней. (К тому же пока непонятно, что должно быть на «скифах».) Покажут ребенку человека в простыне, скажут ему, что человек называется «древним греком», и ребенок его так на всю жизнь и запечатлеет. Мне уже пришлось проделать неблагодарную работу по реабилитации имен «Леонардо», «Рафаэль», «Донателло». Они у моих детей прочно ассоциируются с черепашками-ниндзя. Без всякой тени улыбки.

А я хорошо запомнила заповедь Джанни Родари из его «Грамматики фантазии»: можно потешаться над сказкой «Красная Шапочка», если ребенок уже освоил ее сказочную материю и пережил все, что надо было поэтому поводу пережить. Но если он еще по-настоящему боится волка и готов отождествиться с Красной Шапочкой, юмор неуместен.

Иными словами, есть проблема. Но я очень рассчитываю, что воздух Танаиса и подлинность его исторических реалий компенсирует несовершенство костюмов. Тем более что в какой-то момент мы получим возможность примерить «подлинные» костюмы.

Подростки

Подросткам, по моему глубокому убеждению, наплевать на историю, на волков, шапочек, греков и скифов вместе взятых. Интересуют их только они сами и их нерешаемые межполовые проблемы. Им нужно тусоваться. И неважно, где — в степях Танаиса или в болотах Подмосковья.

Но мы же не можем освободиться от просветительского зуда,

так ведь? И не станем бороться с явными признаками своей профессиональной деформации прямо на границе заповедника? Мы будем настаивать на том, что тусовка в степях Танаиса имеет качественные отличия от любой другой тусовки. В силу новизны пейзажа и сказочных возможностей.

Ну, и вы же расскажете им про ту надпись на стене дома в Помпеях? «Если ты мужчина и знаешь, что такое любовь, ты не скажешь «нет!»». И свое фирменное: «Женщины говорили так 20 веков назад, и можно ли лучше сказать сегодня?» Это ведь исторический факт, так сказать, результаты раскопок, и вряд ли нас обвинят в расшатывании морали? Пусть это будет крючком, на который история ловит подростка.

В оправдание сошлюсь на свой разговор с сыном. Он выслушал меня внимательно и почти возмутился: «Опять эти твои пупсы! Я что, ради них должен ехать?» Я тут же пообещала, что по ходу игры возникнет необходимость воровать женщин у соседних племен. Он тут же смягчился и сказал, что это его вполне устраивает. Ради этого, пожалуй, не просто можно поехать, а *хочется* ехать.

В общем, я отдаю себе отчет, что подростковая субкультура все задуманное мгновенно адаптирует под себя, все втискивает в вечнозеленый жанр «военно-эротической игры с элементами костюмированного бала».

Остается утешаться тем, что это и есть древнейшая форма человеческих развлечений.

Вот вам и живая история. Ничего нового нельзя придумать в этой педагогике.

Взрослые

Взрослые, между прочим, тоже люди. Тем более что некоторых из них к данной категории можно отнести лишь условно: им по 19–20 лет и в силу внутреннего устройства и отсутствия личных вигвамов они с точки зрения психологических запросов явно тяготеют к двум предыдущим группам.

Кто-то желает «натуральным образом» войти в историю, кто-то — «своровать» женщину. Только на полном серьезе. Возможно, это не противоречащие друг другу задачи.

Иными словами, взрослым тоже надо потусоваться, хотя они утверждают, что жаждут «педагогического общения». Я совершенно не собираюсь спорить. Я всегда утверждала, что язык чрезвычайно богат синонимами.

И я надеюсь, что ваша педагогическая команда пополнит наши ряды с теми же самыми намерениями. Я, естественно, имею в виду «задачи педагогического общения».

Теперь собственно игра

Вот легенда, которая сложилась к настоящему моменту. В Танаисе, думаю, она приобретет более конкретные очертания и детализируется. У нас ведь будет два ночевечера после отхода детей ко сну на проработку сюжета?

Отряд исторической разведки прибывает в некое мистическое место Танаис, где, по словам очевидцев, *дышит история.* Что это значит, никто толком не знает. Очевидцы рассказывают странные вещи. Отряду надлежит выяснить, что, собственно, здесь происходит (например, по заданию какого-нибудь Всемирного центра изучения времени).

Разведчики разбивают лагерь. Неожиданно появляется некто (Хранитель древностей?). Он говорит, что вновь прибывшим нужно получить разрешение на жизнь в Танаисе: у этого места есть свои древние духи. Нужно выказать им уважение. В сумерках явившийся ведет всех к реке Танаис, где, в зависимости от погоды, нужно омыться, умыться или омочить ноги. После этого Хранитель надевает на шею приобщившегося к духам Танаиса священный амулет (черепок с дырочкой? Кусочек глиняной ручки? У вас ведь за гончарной мастерской горы таких ручек?).

Хранитель говорит какие-нибудь важные слова. Что-нибудь вроде: «Танаис принимает тебя. Теперь твое сердце открыто, и уши твои открыты, и глаза открыты. Теперь ты услышишь, как дышит история!»

Потом разведчики приступают к изысканиям — начинают собирать сведения о Танаисе.

Нам ведь нужен день спокойной жизни для реализации просветительского зуда? Значит, в этот день мы отправляемся в музей, примериваемся к пифосу, пробуем сдвинуть с места каменные жернова зернотерок и т. п. Все записываем-запоминаем.

Хорошо бы нам вечером полепить в мастерской.

А вечером на раскопах пусть вдруг появится свет. Такое одинокое, манящее световое пятно…»

* * *

Феномен Рэя Брэдбери Из ненаписанного романа

1. Меня зовут Лисимрина.

Это мое танаисское имя. Я знаю: когда-то меня звали совсем по-другому. Но не помню, как именно. Зато я прекрасно помню, как родилось мое имя. Оно уже жило во мне — в тот день, когда колесница Гелиоса появилась на небосклоне. Я вдруг ясно увидела: Гелиос едет по небу. И тогда поняла: меня зовут Лисимрина. И другие — те, с которыми я была — тоже вдруг обрели новые имена. А я даже не удивилась.

Только Федрата была напугана. Она долго не признавала свое новое имя и все повторяла: «Не надо было нам пить из глиняных кружек в раскопе! Говорила я вам: не пейте!» И все спрашивала меня: «Как же так, Лисимрина? Ты не можешь не помнить, что мы должны возвратиться! Ты же выпила лишь половину кружки».

Я выпила половину кружки из-за Федраты. И этого я не смогу ей простить.

Мы работали в мастерской. Там была женщина-мастер… Это было тогда, когда мое новое имя мне еще не открылось. Женщина-мастер учила всех нас управляться с гончарным кругом. Она говорила: гончарный круг — символ вращения времени, исторического колеса, придающего форму материи…

Мы лепили из глины кружки и расписывали их тонкой кистью. Женщина-мастер сказала:

— Эти кружки вам пригодятся, когда колесница Гелиоса закончит свой бег по небу.

Мы тогда удивились тому, как серьезно она говорила про колесницу.

И она еще улыбнулась…

А потом возник этот свет.

Его хорошо было видно из нашего поселения. То есть нет — в тот момент это еще был лагерь… Я помню, что это был лагерь… Зачем же я это помню?

Мы очень устали под вечер. Но свет так манил нас к себе, что мы не могли противиться. К тому же кто-то сказал: вдруг этот свет — то, что нужно? Вдруг с его помощью мы разберемся в том, что здесь происходит?

Это как-то связано с тем, что мы должны возвратиться…

Не знаю, зачем мне об этом помнить.

Было довольно жутко идти в темноте к раскопу. Фонарики не спасали. Их свет позволял нащупать тропу под ногами, но усиливал тьму вокруг. Небо было как купол, все в мелких звездочках-точках. В какой-то

момент показалось, что нас поймали в ловушку и накрыли огромной крышкой. Я почувствовала, как меня пробирает озноб. И все вокруг, мне кажется, почувствовали то же самое. А ведь еще предстояло спуститься в раскоп…

Там нас ждал человек. Он был в черном плаще с капюшоном. Сначала мы даже не поняли, статуя это или кто-то живой — так долго он стоял неподвижно. Мы тоже застыли на месте, словно боялись что-то или кого-то спугнуть. Наверное, этого он и ждал.

Оказалось, это Хранитель. Он уже приходил к нам в лагерь. Правда, тогда на нем была другая одежда. Мы тогда смотрели на него с любопытством: ну и чудак! Говорит, что живет в раскопе не одну сотню лет. Будто бы он проводник. Он знает, зачем мы явились, и готов нам помочь.

Но теперь фигура Хранителя не вызывала улыбки. Перед ним стоял низенький столик. Он молча сдернул тонкое покрывало, и мы увидели кружки — те самые, что лепили.

— Возьмите кружки и пейте. Это питье приобщает к тайнам здешней земли.

Все потянулись к кружкам. Я почувствовала, как Федрата схватила меня за рукав:

— Подожди! Подождите! Объясните, что в этих кружках…

Я осторожно высвободила свою руку: вот моя кружечка — белая, с тонким узором по краю. Какая же я молодец! Я с удовольствием поднесла кружку к губам.

— Но там же нет ничего! — Федрата растерянно смотрела на остальных. — Что же они все пьют?

Человек в капюшоне будто бы улыбнулся — еле заметно, одними губами:

— Воздух. Они пьют воздух древней реки Танаис.

— Стой! — Федрата опять схватила меня за рукав.

— Стой… У меня нет кружки. Я не лепила с вами. Дай пригубить.

Она почти выхватила у меня из рук кружку. Я увидела, как округлились от страха глаза Федраты, когда она сделала первый глоток. Как дернулось ее горло.

— Там оставалось совсем немного. На донышке. Я не должна забыть… И ты, Лисимрина. Ты выпила не до конца. Гораздо меньше всех остальных. Ты тоже должна запомнить, что мы прибыли как разведчики. И мы

должны возвратиться. Обещай, что ты не забудешь.

А наутро, когда колесница лучезарного Гелиоса появилась на небе, ко мне пришло новое имя. И к другим оно тоже пришло. И все очень быстро забыли старые имена и перестали на них отзываться. Лагерь вдруг стал поселением, мы все сменили одежду. Это было как праздник — туники, амулеты, украшения для волос, сандалии и плащи.

И только Федрата не могла успокоиться:

— А где же Максим с истфака?

Никто не понял, о ком она говорит.

— Куда подевался мой сын? Вы не могли забыть, что у меня был сын!

Она была так расстроена, что мы стали ее жалеть. Но она была безутешна:

— Я поняла, поняла: они пили из кружек, стоя лицом к кургану!

— Объясняйся понятней, Федрата. Ты пока не Кассандра, — Эпивлада слова Федраты насторожили.

А та с трудом прошептала:

— Нас было намного больше, когда мы прибыли в Танаис. Хранитель сказал нам, что мир Танаиса делится на две части. Если кто-то пил воздух, стоя лицом к кургану, и теперь его нет между нами, значит, он уже отдал свое сердце степи.

— Кто может отдать свое сердце степи? Только кочевники. Скифы! — Эпивлад нахмурился. — Им отвратительно мирное поселение. Они называют нас изнеженными богачами. Я чувствую: Танаису угрожает опасность!

Его слова потонули в нарастающем гвалте. Нас оглушило свистом и топотом.

Кочевники налетели внезапно. Жители поселения в панике заметались. Что происходит, толком никто не понял. Но когда пыль рассеялась, дети подняли крик:

— Они увели с собой Поликсюну.

«Это Ксюша из Мурманска», — прошептала Федрата.

— И Елену похитили.

«Лену из Барнаула».

Лену из Барнаула! Федрата и правда безумна. Елена — вот как она себя называла. Гордо всем заявила, что не будет менять себе имя. Лучше греческого «Елена» ничего не бывает. А ведь пила из кружки. И выпила все до капельки. До последней.

Как красиво ее похитили.

А ведь сначала скифы устремились ко мне… Тот высокий и дикий, в шкуре. Он схватил меня за руку и, глядя в глаза, произнес:

Все, что предсказано, будет с тобой.
Воли лишенная, следуй за мной!

Но я будто бы не услышала. В тот момент я некстати вспомнила: мы должны возвратиться! Вспомнила из-за Федраты — и выдернула руку. Заклинание не подействовало. Тот, что в шкуре, пожал плечами и повернулся к Елене. Она и не думала прятаться — стояла и улыбалась.

Он снова проговорил, быстро, скороговоркой, подчиняющие слова. Елена прикрыла глаза, будто лишилась воли. Кочевник взял ее за руку и повлек за собой.

И она подчинилась! Она побежала с ним. С тем высоким и диким…

Все случилось в считанные мгновения. Я осталась стоять, где стояла, а Елена исчезла.

Я не знала, что делать. От растерянности. От горя (Ах, Елена, Елена!). От досады на то, что выпила только пол кружки…

Тут вокруг закричали:

— На агору! Скорей на агору!

Ораторы были один красноречивей другого:

— Мы должны вернуть наших соплеменниц и наказать их похитителей. Мы должны покарать врагов с помощью наших богов.

— Но они не враги! Вы забыли. Мы же с вами разведчики. Мы получили задание от Центра исследования человеческих цивилизаций…

Тут я не удержалась:

— Вы только вслушайтесь! Федрата оправдывает врагов!

— Может быть, это она указала им путь к поселению?

— Да она просто безумна!

— Она потеряла сына!

— Ее надо изгнать!

— Но Федрату многие любят. Как же мы без Федраты?

Как же мы без Федраты?

По милости этой Федраты я до сих пор что-то помню. То, что незачем помнить. К примеру, ее рассказы о том, как жили когда-то греки… Она сама виновата, что я многое помню. И меня осенила идея:

— Подвергнем ее остракизму.

Я сказала это негромко. Но все, даже старейшины, обратили ко мне свои взгляды. Это было так лестно!

— На заднем дворе мастерской свалены черепки. Это сор из раскопов. Он никому не нужен. С их помощью можно голосовать.

Все согласились и закричали:

— Черепки! Черепки! Несите сюда черепки!

Эпивлад призвал всех взвесить свое решение. Если Федрату изгонят, то навсегда. Я заметила: у детей в глазах заблестели слезы. Но не у всех. Не у всех.

Во время голосования Федрата не проронила ни слова, хотя и была бледна.

Я пометила черепок и положила его на землю. Следом за мной свои черепки выложили остальные.

Потом Эпивлад разложил черепки в две кучки. Та, что «не изгонять», все росла и росла. За изгнание было только три черепка. Эпивлад для верности пересчитал черепки и — я заметила — облегченно вздохнул. Запомним: Федрата Эпивладу небезразлична…

— Раз меня не изгнали, — тихо сказала Федрата, — выслушайте меня. Вы забыли, зачем вы здесь. И забыли, что надо вернуться. Но справедливости ради вам придется признать: скифы неуловимы. Сколько бы вы ни кричали, похищенных вам не вернуть. Не тратьте зря свое красноречие. Вы не знаете, как принудить кочевников к встрече. Как предложить им выкуп или честное состязание. Обратитесь к оракулу. Так всегда поступали древние греки.

Все оценили мудрость Федраты…

Ну и ладно. Никто не знает, что мой черепок был с меткой, требующей изгнания. И вообще я думаю, что скифы снова появятся. Может быть, тот же самый — в шкуре.

А я зачем-то помню: мы должны возвратиться.

2. Меня зовут Алексант.

О, земля Танаис!

Как я жаждал здесь оказаться.

И что же? Под этим небом я познал горечь рабства.

Оракул сказал, мы должны принести Зовущий огонь на курган. Принести его на вершину. И скифы тогда не смогут избежать состязаний.

Еще оракул сказал: понадобится вода — та, что смывает обиды. Она доделает то, чего не сумеет огонь.

И пусть мы запомним: в реку нельзя войти дважды. Войдет один человек, а выйдет совсем другой.

Мы с товарищами отправились за водой и отыскали ее — водяные часы, из которых по капле сочилась влага. Но лишь на вершине кургана вода смывала обиды. А до кургана было далеко-далеко. Мы должны были торопиться. Кони Гелиоса резвились над размытыми облаками, и жар отбирал у нас воду капля за каплей.

Поэтому мы решились идти через пустынное место, не дождавшись других — тех, кто мог бы нас защитить.

…Скифы, как у них водится, налетели внезапно. Явились из ниоткуда, возникли из-под земли. Мы выстроились змеей. Кочевники чтили змей и не осмелились нападать на змею с головы.

Я стал в хвосте змеи. В нашем отряде я был самый быстрым и ловким. Но скиф оказался еще быстрее. Он коснулся меня и произнес заклинание, лишающее меня воли.

Покорно и обреченно я двинулся следом за ним. И скоро отряд товарищей потерялся из виду.

Скиф сказал очень коротко, что я теперь — его раб. Скоро мы придем к стойбищу, там нужно разжечь костер. Для костра нужен хворост. Мне придется об этом думать. Иначе я узнаю, что такое удар хлыста.

Колесница Гелиоса забирала все выше и выше. Воздух сделался мутным от зноя. Пот катил с меня градом. Но хуже всего меня угнетало сознание, что я утратил свободу. Я, рожденный свободным, я, привыкший к свободной праздности, позволяющей предаваться искусству и размышлениям, обратился в раба. И теперь у меня нет иных желаний, кроме желаний моего господина. И этой вязанки хвороста, которую он заставил меня тащить через поле, угрожая хлыстом.

Наконец мы пришли к стоянке. С горечью я увидел наших прекрасных дев в окружении скифов. Но они, как мне показалось, вовсе не горевали.

— Разве они не рабы? — удивленно спросил я того, кто меня покорил.

— Они согласились жить по обычаям скифов. И им возвратили свободу. Видишь, как они веселы? — он чуть-чуть помолчал. — Скифам нужны рабы. Но у тебя есть выбор. Поступи, как они. Подари свое сердце степи — и свобода к тебе возвратится.

О, Танаис, Танаис!

Я мыслил себя древним греком. Я поклонялся богам, которым они поклонялись.

Но свобода — превыше всего. Без свободы не может быть грека…

А что есть свобода скифов?

3. Я, Неонор, и мой друг Ифипет — нам доверили важное дело.

Нам поручили нести Зовущий огонь на вершину кургана.

Степь изводила нас зноем. Ноги наши гудели — такой длинный путь мы прошли, пока искали огонь. Во рту совсем пересохло: наши запасы воды подходили к концу. А курган возвышался у самого горизонта. Но мы приказали себе забыть о своих ногах. Мы приказали себе забыть о мучительной жажде. Мы несли огонь в глиняной чаше, надетой на длинную палку. На дне еле теплились угли. Огонь то и дело пробовал умереть. Тогда приходилось делать привал, чтобы кормить огонь.

Мы опускали чашу (дыхание наше сбивалось) и отправлялись на поиски мелких веток и стеблей сухой травы.

А другие стояли и охраняли нас: на открытом месте мы были совсем беззащитны, и если бы скифы напали в этот момент…

Мы не смели об этом думать.

Я, Неонор, и мой друг Ифипет донесли огонь до вершины. Лица наши были черны от грязи, пота и сажи. Наши грязные туники стали от пота жесткими. Наши пальцы, державшие палку с чашей посередине, отказывались разгибаться. И Федрата шепнула, что мы совершили подвиг.

И вот на вершине кургана вспыхнул Зовущий огонь.

Все с напряжением ждали.

И тут неизвестно откуда появились посланцы скифов…

4. — Капитан! Нам известно: после экспедиции вы не

полностью восстановились. Но Центр считает, что в вашем нынешнем состоянии вы способны на рефлексию среднего уровня глубины.

— Да, Ваше Историческое Величие.

— Можете использовать сокращенное обращение.

— Да, Истве.

— Тогда начнем. Как вас зовут, капитан?

— Меня зовут… не Федрата. Федрата — ситуативное имя для включенного наблюдения. Конструкция с древнегреческим корнем, созданная на основе некоторых ассоциаций.

— Уже неплохо, капитан. Но вы не хотите пока называть свое настоящее имя? Не хотите к нему возвращаться?

— Я пока не могу, Истве.

— Думаю, это пройдет. Вы можете сформулировать область своего научного интереса?

— Феномен Рэя Брэдбери как механизм реконструкции исторических ситуаций в определенных полях.

— Вы утверждали, что феномен действует в Танаисе, и хотели понять силу его воздействия?

— Да, Ваше Истве.

— Гипотеза подтвердилась?

— Да. Я считаю, что участники экспедиции пережили глубокую трансформацию восприятия и поведения, обусловленную реалиями Танаиса.

— По возвращении вы описали подвиги и приключения, пережитые вашими спутниками. Не скрою, они впечатляют.

— Мои записи не были голословными. Их подтвердили участники экспедиции.

— Так, капитан. Они не скрывали, что получили незабываемый опыт. Многие полагают, что побывали в сказке. Но речь не об этом. Напоминаю вам, мы рассчитываем на то, что вы уже способны на рефлексию среднего уровня глубины. Соберитесь, пожалуйста.

— Да, Истве. Я попробую.

— Перед отъездом вы убеждали Центр, что понимаете риски, связанные с феноменом Брэдбери, и способны контролировать процесс трансформации участников экспедиции.

— Да, Истве.

— Но вы трижды чуть не утратили контроль над

происходящим. Вы не вписали это в отчет, но об этом свидетельствуют сканы ваших ночных кошмаров. Возможно, вы хотели вытеснить из памяти некоторые ситуации. Однако феномен Рэя Брэдбери не может считаться доказанным без учета этих событий. Первое. Разбитая античная зернотерка.

— Зернотерка разбилась не по вине разведчиков. Из ближайшего местного города неожиданно прибыл отряд. 23 человека. И все практически взрослые. В возрасте выпус… Истве! Это было нашествие варваров. Каганат дикарей.

Они хотели встроиться в трансформацию. Произошло недопонимание между различными центрами. Я ожидала группу из трех человек. Это было ужасно, Истве. У меня не хватило сил тут же, на месте, подключить их всех к трансформации.

Они были не подготовлены. Танаис не вызывал у них трепета. Им было плевать, что за камни у них под ногами. Но они понимали: плоские камни удобны. И использовали зернотерку, чтобы жарить шашлык… Я все оплатила, Истве. Но эти чужие подро… варвары чуть не сорвали нам погружение.

— Капитан, вас никто не винит в гибели зернотерки. Но разбитая зернотерка при некоторых обстоятельствах могла обернуться для вас невозможностью возвращения. Вы же помните бабочку Брэдбери? Ладно. Оставим зернотерку в покое. Перейдем к другому вопросу. Для вас стало ужасным открытием, что участники трансформации стали использовать в скифском лагере рабский труд.

— Да, Истве, это так. Я не могла предвидеть, что трансформация приведет к появлению рабства.

— А вот это кажется странным. Вы готовили членов отряда к погружению в мир античности. Или вы думали, что античность — это посуда, мифы и красивые состязания? Вы упустили из виду эффект Зимбардо. Эффект вживания в социальную роль. На ваше счастье, рабство при трансформации носило локальный и слабо выраженный характер. Чтобы развиться в нечто, представляющее угрозу, потребовалось бы больше времени. Но вам и разведчикам еще придется вернуться к тому, что произошло.

— Хорошо, Истве. Я расскажу разведчикам про опыты Зимбардо.

— Еще на сканах видны крюки. Что это за крюки?

— Браконьерские снасти для крупной рыбы. Они были растянуты вдоль кромки пляжа. Истве! Лучезарный Гелиос нас доконал. Мы так мечтали о море! До моря мы добирались часа полтора. А когда уже подходили к воде, увидели человека. У него на руках была девочка возраста наших греков. Она в воде наступила на крюк длиной сантиметров 15 и пропорола ступню. Но мы не могли повернуть. Дети мечтали о море. Это было жестоко — не позволить им окунуться. Истве! Я не знала, что делать. Полчаса мы ползали на мелководье, вытаскивая со дна крюки. Раньше я не видела ничего подобного. Мы решили: купаемся и очень быстро уходим. Пока за снастями не явились хозяева.

— Последнее, капитан. В разгар трансформации вы попали в трещину между мирами.

— Не надо об этом, Истве!

— Капитан, соберитесь с силами. Ваш опыт важен для будущих экспедиций.

* * *

Что такое трещина между мирами?

Ты и «древние греки» — те, что смогли уцелеть в опаснейшем путешествии — двигаетесь к кургану. Гелиос в тот день решил колесить по небу, не прячась за облаками, поэтому все покрыты смесью из пыли и пота. И у маленьких «древних греков» все лица в серых разводах. Туники влипли в тело. Но они Добыли огонь! Они преисполнены чувствами Прометея. Они всерьез полагают, что от них зависит судьба и греков, и скифов, и пленных. И маленьких, и больших. Каждые сто шагов они останавливаются и кормят огонь. Те, что тащат горшок с огнем, даже в мыслях не просят о помощи. Это их высокая миссия. Видно по лицам.

В общем, полная трансформация. Но твое сознание краешком все-таки думает о правилах безопасности: у каждого на голове должна быть бейсболка. Ты настаиваешь на бейсболках, хотя они слегка мешают созданию внешнего образа. А еще должна быть вода. Вода в бутылках у пояса. Нужно все время пить, потому что ужасный Гелиос выдал 32 градуса. А кругом «степные просторы». Тени практически нет. Поскольку вода на исходе, отряду придется сделать петлю и пройти через поселение. Да, ты свято соблюдаешь правила безопасности. Ты уверена, что все учла. Головные уборы, вода… И в твоей команде есть врач.

Ты говоришь: «Путь чуть-чуть удлинится. Я надеюсь, что скифы уже потеряли наш след. Я думаю, мы в безопасности!» Ты не думаешь — знаешь: существует договоренность, что на этом отрезке пути «скифы» не нападают.

И вдруг — не успела ты это сказать — вдали возникают три «скифа». Ты теряешься: что такое? А договоренности? Это против сюжета!

Ты всматриваешься и понимаешь: «скифы» бегут *как-то не так.* Им нет дела до «греков». И ты предчувствуешь — всем своим существом — трещину между мирами.

Ты говоришь как можно спокойнее: пусть «древние греки» двигаются в прежнем темпе и направлении. Под началом «оратора». Ты же пойдешь вперед. У тебя появилось дело.

И срываешься с места.

«Скифы» тебя увидели и повернули навстречу. Ты уже различаешь их лица. Да, с ними что-то *не так.* В середине бежит не «скиф», а твой собственный сын. И лицо у него слишком бледное, а на скуле пятно. Огромное, страшное, синее.

Вот она, трещина между мирами.

Вместо приветствия ты выкрикиваешь: «Лед! В холодильнике, в лагере».

И вы бежите уже вчетвером. Тебе очень давно не приходилось так бегать. Последний раз — в институте, на сдаче норм ГТО.

На бегу тебе кратко сообщают, что наткнулись на «местных». Два быдлана загорали в кустах. С ними были две девушки (про себя редактируешь: девки). Быдланам лет по 20. Взрослые. Мальчишки шли по тропинке, и вдруг им навстречу вышли.

Местные быдланы сценарием не предусмотрены. Их место совсем не здесь, а в соседнем поселке. Ты и думать не думала ни про какой поселок. Танаис для тебя был прекрасным необитаемым островом. Это царство духов и античных камней, а не живых быдланов. И в правилах безопасности ничего такого не сказано…

Разговор характерный. Типичный для ситуации:

— А вы тут че?

— Играем.

— Вот я те щас поиграю!

Тебе не без гордости сообщают, что «сработала тактика скифов»: один решился «подставиться» — подпустил быдлана поближе — и дал сигнал «врассыпную!».

— Мам, я успел отклониться, кулак лишь слегка мазнул. Вот видишь, бокс пригодился. Ну а потом отскочил и побежал. Специально небыстро. Чтобы он за мной погнался. Знаешь, как я петлял? Потом смотрю — ребята далеко убежали. Ну, и дунул.

Когда ты скребешь морозилку доисторического холодильника, у тебя слегка дрожат руки. Но ты убеждаешь себя, что холод приложен вовремя. И может быть, глаз даже не заплывает.

Потом ты старательно изображаешь спокойствие. Ты показываешь всем своим видом: происшествие — в прошлом. Да, на щеке синяк. Но он уже нейтрализован. Теперь все опять в порядке. И ты снова Федрата:

— Вы попали в трещину между мирами. Сбой трансформации. Это требует изучения. Сможете удержаться в образе скифов?

Лица «скифов» приобретают знакомое вдохновенное выражение. Страх — нешуточный, неигровой — отступил. Они даже гордятся своим приключением. Да, получили немного незапланированного адреналина, но этот выброс смешался с событиями игры.

Я, Федрата, на это надеюсь.

— Возвращайтесь к своим. Вам не стоит встречаться с греками до условленного сигнала. Ну и, раз идете из лагеря, прихватите с собой воды. Пусть ваше приключение послужит скифам на пользу.

Ростовские «варвары», погубившие зернотерку и в вынужденном бездействии ожидавшие состязаний, проявляют к свеженькому синяку живой интерес. Дали в глаз? Ого! Круто! Нет, интерес — это слабо сказано. Крушители зернотерок наконец обретают смысл существования среди всей этой гиблой античности.

— Где? На какой тропинке? У поворота к поселку?

Я не успеваю вовремя отреагировать, а возбужденные варвары уже бросаются на зачистку окрестностей. Никого не находят. К счастью. Иначе — прощай, античные состязания! «Нам приятней кулачный бой». В общем, обидчики испарились.

Но смысл жизни уже обретен. Дорога к скифскому лагерю все равно окрашена в цвета дворовой романтики. Вдруг под кустами кто-нибудь да найдется? Теперь ростовские «варвары» испытывают к битым «скифам» подлинное уважение. Они пойдут вместе с ними. Мало ли что случится по дороге к… к чему там? Как там оно называется?

В общем, «скифы» уходят в сопровождении дружественного каганата.

А тут как раз за водой прибывают «древние греки». Ты проверяешь шапки на маленьких головах, заливаешь в бутылки кипяченую воду — все по правилам безопасности. И говоришь, улыбаясь: «Что ж! Двигаемся к кургану».

Потому что если не растягивать губы в улыбке, с ними может произойти что-то, не подходящее к случаю.

По дороге ты на минуту заглядываешь к Чесноку и сообщаешь о происшествии. Он сереет лицом, хватается за телефон. Обещает вызвать милицию. Да, хорошо бы милиция проехалась вдоль заповедника.

А потом ты снова двигаешься к кургану в составе маленького героического отряда, который несет огонь во имя спасения пленных. Ты не имеешь права думать о синяке под глазом у твоего ребенка, потому что всем предстоят состязания.

И не вздумай, Федрата, застрять в трещине между мирами.

Ты настаивала на трансформации. На встрече с живой античностью. Так учись общаться с богами. Или ты позабыла: они обожают жертвы. В виде родных детей. Хочешь в поход на Трою — пойди заколи ребенка. А твоему дали в глаз. Всего-то.

И вообще признай: античные боги тебе явно благоволят. Ты должна прыгать от радости. От невозможного счастья. Что в глаз получил именно твой ребенок. Твой собственный, а не какой-нибудь мурманский медалист, за которого ты отвечаешь. Предводительница амазонок вообще потеряла здесь сына…

Античные боги, безусловно, к тебе благосклонны.

В общем, мы съездили в Танаис и встретились там с историей.

ВЕРЕВОЧКА

В последний день учебного года я достаю из шкатулки веревочку. Ту самую, которую мы когда-то отыскали в лесу вместе с кладом.

Я привязываю веревочку к ножкам стульев и хорошенько натягиваю.

Потом мы молча стоим перед этой «границей». Просто смотрим: каждый должен примериться.

Мы каждый год перешагивали веревочку — и оказывались в новом классе. И каждый год высота над полом росла и росла. Когда мы окончили первый класс, она составляла два дециметра. После второго класса — на один дециметр выше. В третьем классе веревочка поднялась совсем высоко. Мы как раз вернулись из Танаиса. И когда пришло время «переходить», мальчишки вдруг стали прыгать. Сначала кто-то один, а за ним остальные. В этом было столько жизненной силы, энергии, удальства — разбежаться и перепрыгнуть. В следующий класс. В следующий отрезок жизни.

Я тоже тогда разбежалась и перепрыгнула. Я хорошо запомнила ощущение от прыжка. И как радостно бьется сердце.

Теперь я достала веревочку в пятый раз. Теперь она натянута на высоте полуметра. И я вдруг понимаю — всеми ногами-руками, всем телом, всем существом: мне не перепрыгнуть.

Я вроде бы и не должна. Переходят дети — не я. Сейчас переступят веревочку — и уже пятиклассники. Но мне кажется, я бы и не смогла.

Я начинаю называть их по именам. Это сигнал к тому, чтобы «переходить». Каждый берет препятствие так, как считает нужным. Кто-то лихо и с присвистом. Кто-то с достоинством, подчеркнуто медленно. Кто-то грациозно, придерживая пышные юбки.

Первый, второй, третий…

А может, все-таки и смогла бы. Ну, что такое полметра?

Четвертый, пятый… десятый…

Почему я решила, что не возьму полметра? Это же сущая ерунда. Даже если толкаться двумя ногами…

Девятнадцатый… двадцать второй…

Но я не могу шевельнуться.

Двадцать пятый, двадцать шестой.

Вот и все они на другой стороне. Повернулись и смотрят. Теперь уже на меня.

А я все так же не могу шевельнуть ни рукой, ни ногой. И они

вдруг, кажется, поняли…

Но я не заплачу, нет.

Ни за что не заплачу.

— Эй, привет, пятиклассники!

С ВЫСОТЫ СВОЕГО РОСТА

Я — маленький человек. Не в гоголевском смысле, а в буквальном. Рост 1 м 58 см. Всю свою сознательную жизнь я работала с малышами. Малыши занимали мои мысли, чувства, все жизненное пространство вокруг. А подростки «обитали» в здании старшей школы. Туда я заходила редко, только по необходимости.

И каждый раз двигалась по коридору с замиранием сердца. Как странник по незнакомой местности. Звонок — вздох классных дверей — и школьные коридоры наполняются гулом движения. Толпы подростков — как стада бизонов или диких мустангов. А во мне — чуть больше полутора метров.

И одна забота: как бы не затоптали.

* * *

Однажды случайно увидела, как наш директор репетирует со старшеклассниками. Что-то они готовили к выпускному. Увидела — и меня будто к месту приклеили. Их, этих страшных большущих «детей», в зале было не меньше 100 человек. Что-то надето на них было невообразимое, голые животы, дырявые штаны, серьги в ушах, волосы марсианских оттенков — «народ джунглей» у Скалы Советов, да и только. А директор наш гениальный — сам как огромный слон в этих джунглях. Взмахнет рукой, словно хоботом, и вся эта масса вдруг волшебным образом куда-то перемещается, как-то разумным образом по сцене распределяется. Даже голос (вы только подумайте!) они в нужный момент подают.

Но тогда я могла размышлять об этом исключительно в зоологических терминах.

В перерыве осмелилась подойти, добралась до директора, спрашиваю:

— Евгений Александрович! Это как же так?

Он сначала не понял:

— Что — «как»?

— Ну, вот это все — чтобы двигалось. И они же все выше вас. Надо вверх все время смотреть, голову запрокидывать…

— Ну, дорогая моя! Я же не спрашиваю, как вы все время можете наклоняться. Спинка-то устает?

* * *

Мы им не соразмерны. Всегда не соразмерны. Но наклоняться над ребенком для взрослого все-таки более естественно. В этой позе есть что-то правильное, охранительное, оберегающее. Если, конечно, ты именно наклоняешься — чтобы быть ближе к нему, чтобы услышать, увидеть, обнять, а не нависаешь с угрозой. И в этом наклоне твоем — ощущение взрослой силы, уверенность в способности защитить.

Уверенность тает по мере того, как дети догоняют тебя в росте.

У меня однажды было странное переживание: я вызвала к доске одну ученицу. Давно не вызывала, а тут вызвала.

И класс, вместо того чтобы сосредоточиться на задаче, вдруг взорвался хохотом: мы с девочкой оказались одного роста. Почти одного — она была даже чуточку выше. Ну и как прикажете учить после этого?

Конечно, это была самая высокая девочка в классе. Но ведь все дети сначала были маленькими-премаленькими. И они это помнили, и я. На том ощущении — они маленькие, я большая — многое строилось в наших отношениях. А теперь вот на тебе.

И все-таки тотального, массового обгона в росте я не переживала. Они росли на другой территории — там, где «джунгли». А я возвращалась в детский сад, к малышам.

* * *

Но однажды верхушки «джунглей» вдруг расступились.

Удивительное чувство: ты идешь, передвигаешься с привычной опаской по этой чужой стране, и вдруг откуда-то сверху тебя окликают: «Марина Семеновна! Здравствуйте!» От неожиданности застываешь на месте, запрокидываешь голову вверх в направлении звука. А оттуда опять: «Здравствуйте, здравствуйте! Вы меня не узнали?» Может, я бы и не узнала. Но улыбка — оттуда, с неба, — улыбка-то узнаваемая. И потому он сам узнаваемый.

Он к тебе наклоняется — с древесной своей высоты к твоим полутора метрам с хвостиком. Наклоняется так, как сделал бы это жираф — выгибая шею. И из-за этого наклона, из-за этой выгнутой шеи возникает пронзительное ощущение хрупкости: такой большой — и такой уязвимый.

Тебя уже не обхватишь руками, малыш. А тебе временами этого не хватает. Да только у взрослого нет больше ни сил, ни

власти.

* * *

Сюжет об изгнании из рая иногда трактуют как метафору обретения самостоятельности.

Подросток изгоняется из детства, как из рая. И, как в библейском предании, сам тому причиной: ему уже тесно в раю, он там просто не умещается. Слишком вырос. И теперь он где-то высоко-далеко.

Как корабельная мачта с не убранными вовремя парусами.

Как длинношеее, как жираф, которому так нелегко щипать зеленую травку.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Учитель, как правило, устает от работы. Бывает, устает очень сильно.

Но усталость бывает разная. Есть усталость, которая сопровождается глубоким выдохом, удовлетворением, тихим счастьем: «Я это сделал!»

А есть усталость, за которой не стоит никакого удовлетворения, никакого счастливого выдоха. Усталость, которая грозит превратиться в бесконечную. Она порождает апатию и равнодушие к происходящему: только бы лишний раз не трогали! Она порождает ощущение ненужного, бессмысленного напряжения.

У Януша Корчака есть повесть «Король Матиуш на необитаемом острове»: ее главный герой оказывается в тюрьме, где заключенные каждый день с утра роют яму, а на следующий день эту же самую яму закапывают. Такое вот наказание — жестокий бессмысленный труд.

Вот этому — ощущению бессмысленного труда — надо противостоять всеми силами.

Это невероятно сложно на фоне усталости. И здесь есть одна спасительная штука под названием «понимание».

Понимание обстоятельств заставляет не то чтобы с этими обстоятельствами примириться, но словно приподнимает тебя над ними: ты в буквальном смысле оказываешься выше, отстраняясь и окидывая всю панораму взглядом. А возможность очутиться в такой позиции — пусть ненадолго — всегда обладает психотерапевтическим эффектом.

Понимание ребенка, даже проблемного, тяжелого, увеличивает ресурс нашего терпения, потому что открывает дополнительные возможности для сочувствия.

Понимание себя самого обнаруживает нашу беспредельную сложность, наше внутреннее богатство и заставляет относиться с уважением к самому себе.

Это великое качество — способность к самоуважению. Это то, что дает нам силы быть педагогами.

И вообще — быть.

М. А.